Татьяна Вильданова
Парадокс параллельных прямых
Книга третья

Татьяна Вильданова
Парадокс параллельных прямых. Книга третья

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9094655
Парадокс параллельных прямых. Книга третья:

Аннотация

Звезды как маяки, к которым невозможно не стремиться, мечта, которая не может оказаться смертельно опасной. Но именно оттуда, со звезд пришла самая большая война – ящик Пандоры, который однажды открыло любознательное человечество. На Земле произошло несколько войн, и после ряда мутаций у людей развились некоторые специфические ментальные способности: гипноз, телекинез, предвидение.

Этьена, разведчик, дальнобойщик, неуловимая и загадочная, дочь капитана корабля пытается приподнять покровы тайн, рискуя кардинально изменить историю Земли. Одна из лучших исследователей в выпуске Академии, за короткий срок она успела наделать рекордное количество ошибок. Нужно быть предельно незаметным, но она слишком не похожа на других.

Чтобы спасти Жана когда-то, она вынесла «диагност» из лаборатории, а сейчас, сквозь двадцать тысяч лет обозримой истории, из 1943 он пытается спасать ее в 1488 году. Здесь

она – шевалье Этьен де Шанезе, а Хенк, историк-исследователь, одержимый историей древней Земли – барон Гонкур. Но этот спектральный рисунок не принадлежит Хенку. Приступ темпоральной шизофрении или чей-то ментальный контроль, но с Карлосом точно что-то произошло. И разобраться в этом смогут только в Центре… Где Карлос сам никогда не появится. Никто ничего не знает о личной жизни Карлоса, словно он сам пришел в Академию через Капсулу времени, но и он не знает о способностях Этьены к телепортированию. И есть еще другая информация, которую не может знать Доре.

Жизнь героев, насыщенная историей во всех нюансах повествования и наполненная приключениями, продолжается.

Содержание

Часть первая 5
Глава 1 5
1 5
2 19
3 31
Глава 2 39
1 39
2 43
3 55
Глава 3 59
1 59
2 63
3 70
Глава 4 76
1 76
2 80
3 85
Конец ознакомительного фрагмента. 93

Татьяна Вильданова
Парадокс параллельных прямых. Книга третья

Часть первая

Глава 1

1

Когда Этьена открыла глаза, вокруг было небо.

Легкие перистые облака проносились над самой головой. Яркие лучи солнца косо пронизывали их и золотом рассыпались по черному, словно светящемуся изнутри, полу.

Изумленно приподнявшись, девушка оперлась ладонью на упругую поверхность кушетки.

– Отлично.

– Вы?!.. – оглянувшись, поразилась она.

– Как ты себя чувствуешь? – нагнувшись, характерным жестом сжал её запястье мужчина, – что ж, учитывая масштаб полученных тобою повреждений, восстановление про-

шло довольно неплохо…

– Откуда вы?!.. Я… почему?…

– Расслабься, – остановил её бормотание мужчина.

– Со мной что-то произошло? – отдернула руку Этьена.

– Несчастный случай, – выпрямляясь, подтвердил он, – тебя сбила коляска. Смешно, но при их способах лечения это могло стоить тебе жизни. Я всегда говорил, что в эти варварские периоды нельзя выходить в одиночку. Тебе очень повезло, что там случайно оказался я.

– Пятнадцать тысяч лет обозримой истории и вы случайно оказались рядом, – чувствуя, что в голове стало непривычно пусто и гулко, с расстановкой произнесла Этьена, – вы меня искали?

– Не совсем, – добродушно усмехнулся мужчина, – но, всё равно, тебе повезло.

– Вы меня искали, – утвердительно повторила она, – зачем?

– Ты всегда отличалась завидной краткостью своих формулировок, – всё с той же долей добродушной иронии, произнес он.

– Зачем? – упрямо повторила Этьена.

Легко, очень легко она попробовала коснуться его, даже не коснуться, (надо быть самоубийцей, чтобы пытаться навязать Карлосу свою волю!), а скользнуть по краешку, даже по краешку краешка его сознания. Не ощутив ничего, абсолютно ничего (ни своего усилия, ни его сопротивления) она

мысленно попыталась нажать сильнее, но опять ничего не почувствовала.

– Тебе надо поесть и отдохнуть, – поднявшись с кресла, всё с той же спокойной доброжелательностью произнес мужчина, – сейчас у меня дела, но после мы всё обсудим. При заказе рекомендую рыбное меню, – уже от двери обернулся он, – и морепродукты. Они здесь очень свежие.

– Спасибо, но я не голодна, – отказалась Этьена, – зачем вы меня искали?

– Ну, хорошо, – садясь напротив неё в другое кресло, согласился он, – ты забрала из моей лаборатории опытный образец лечебно-диагностического оборудования и пронесла его через капсулу времени. Зачем?

– Я… – ожидавшая чего угодно, кроме этого, растерялась Этьена.

– Мало того, что ты забрала прототип, – с нажимом продолжал он, – ты пронесла его в прошлое, рискуя, таким образом, координально изменить историю. Зачем ты это сделала?

Осень… Жан… её дом… две недели, дни и ночи которых сплелись в один, постепенно затягивающий их ужас. Утром поднимались шторы, впуская в комнату скупую порцию солнечного света. Вечером они опускались.

Из-за попавших в пулевое отверстие волокон ткани у Доре началось воспаление, вызвавшее резкий подъем температуры. Начался бред. Раненый метался по кровати, вырывался из удерживающих его рук, пытался встать. Когда удержи-

вать становилось невозможно, появлялась Мадлена, делала укол, и раненый затихал.

Мадлена, Этьена, Симон… И опять Мадлена…

Затем возникал встревоженный Гаспар, открывал саквояж, говорил что-то преувеличенно бодрым голосом.

– Ты можешь что-нибудь сделать? – уперевшись руками в стол, в тот, самый страшный день в её жизни, в упор смотрела на врача Этьена.

В первый раз за всё это время она смотрела спокойно. Так нечеловечески спокойно, что Гаспар не выдержал, опустил глаза и забарабанил пальцем по столу.

– Я делаю всё, что могу.

– Мне плевать, что ты делаешь! Ты можешь его вылечить?

Он убрал руку со стола и отвернулся.

– Ясно, – на её постаревшем, измятом многодневной усталостью, лице, неожиданно ярко блеснули огромные, приподнятые к вискам глаза, – значит, шансов у него нет?

Гаспар опять не ответил.

Именно это убедило её в полной безнадежности ситуации. Настолько полной, что…

– Он переживет эту ночь?

– Тебе надо принять снотворное и лечь спать, – не глядя ей в глаза, произнес Гаспар.

– Нет, – всё с тем же сводящим с ума спокойствием отказалась Этьена, – ты не ответил на мой вопрос. Он переживет?…

– Да, – твердо произнес Готье, – эту ночь он переживет.

«Слава Богу! Значит я ещё могу успеть! – медленно выдохнула застывший в груди воздух Этьена, – я успею»…

– На эту ночь с ним останется Мадлена…

– Нет, – опять вскидывая на него глаза, жестко произнесла Этьена, – этой ночью останусь я.

– Ну? – видя, что она молчит, повторил мужчина.

– Я, – не слыша собственного голоса, начала она, – вернула диагност обратно…

– Дважды без разрешения проникнув в мою лабораторию, – всё также неумолимо подтвердил он, – ты понимала возможные последствия?

– Да, – еле слышно подтвердила Этьена.

– Ты совершила проступок, за который тебя обязаны отстранить от работы, – отчеканил мужчина.

– Я отстранена?

Всё… годы учебы… её мечты, надежды… её опыт и…

Этьене показалось, что она раскачивается на огромных качелях и сейчас с такой скоростью летит на них в пропасть, что что вот-вот остановится сердце…

– Нет.

Сердце замерло и вдруг бешенно заколотилось о грудную клетку.

– Почему? – изумленно уставилась на него Этьена.

– Потому что сначала я хочу понять, зачем ты это сделала?

– Почему меня не отстранили? – словно не слыша, повто-

рила она.

– Потому что я пока не сообщил о твоем проступке руководству.

На несколько минут она словно оглохла. Как в немом кино, Этьена видела, как шевелятся его губы, но не могла уловить ни звука.

– Ты была одной из лучших в выпуске, – между тем продолжал говорить мужчина, – твои предыдущие экспедиции показали, что ты можешь стать хорошим исследователем. Поэтому, прежде чем губить твою карьеру, я хочу…

– Это вы послали за мной атавару?!

– Да.

– Почему атавара пытался меня убить?

– Что?!

– Он стрелял в меня. И сделал это при свидетеле. Почему?

– Потому что он оказался ещё глупее, чем я думал! – с чувством выговорил мужчина, – чтобы не привлекать внимание, я использовал новобранца.

– Он всё ещё там? – испугавшись за Доре, невольно охнула Этьена.

– Нет. Не знаю, как он прошел вступительные тесты, – откинулся на спинку кресла мужчина, – но на деле он продемонстрировал полное несоответствие.

Я подал рапорт об его отчислении.

– И… – задержала дыхание Этьена, – его отчислили?

– Конечно.

– Вы скрыли мои нарушения от руководства, – медленно, сама изумляясь сказанному, подытожила Этьена, – и, чтобы перехватить меня во времени, рискнули использовать необученного атавару. Которого затем отчислили, как нежелательного свидетеля. Почему?

– Продолжаешь формулировать? – усмехнулся Карлос, – что ж… не зря ты была лучшей…

– …из выпуска, – перебила его Этьена, – чтобы сказать это, вам не надо было за мной гоняться. Достаточно было просто дождаться моего возвращения.

– Ты умная девочка, – удовлетворенно подтвердил мужчина.

– Что вы от меня ждете?

– Для начала, – усмехнулся он, – благодарности.

– За что? – начала закипать Этьена, – за то, этот кретин чуть меня не уничтожил!

– Но, но, но… – примиряюще цокнул языком мужчина, – не драматизируй. Согласен, что он несколько перегнул палку, но о твоей ликвидации не могло быть и речи. Возможно, он несколько увлекся демонстрацией. Ты знаешь, что иногда они любят порисоваться, но.

Что вам нужно? – снова перебила его Этьена, – зачем вы привезли меня сюда? – Этьена обвела взглядом то, что даже трудно было назвать помещением, – в… – глаза остановились на характерном изгибе бухты, потом перепрыгнули на зеленую массу на горизонте, оценили положение солнца и

бледно-голубой с металлическим отливом оттенок морской воды, – предкатастрофный Сахалин.

– Хорош, правда? – Карлос легко встал и подошел к прозрачной стене, остановившись на границе облаков и пола, – если хочешь, можешь встать.

– Спасибо, – осторожно снимая ноги с кушетки, привычно поблагодарила Этьена.

Она поднялась и тоже подошла к прозрачной стеклопластовой панели. Бесконечно далеко под ногами размыто зеленела земля. А вокруг, насколько хватало глаз, развернулась головокружительная панорама прозрачных, или, наоборот, непрозрачно отсвечивающих всеми цветами радуги, башен, обрамленных глубокой синью неба, плавно переходящей в выцветающую к горизонту синь океана. Вокруг некоторых башен вскипали разноцветные кудрявые шапки висячих садов. Между башнями деловито сновали черные букашки аэротакси, ниже бесшумно проплывали тяжелые грузовые фургоны, ещё ниже сплошной паутиной раскинулись воздушные пешеходные дорожки, и только где-то под ними бледной зеленью отсвечивала земля.

– Хоро-о-ош, – дав ей возможность осмотреться, повторил Карлос, – в данном временном периоде это один из лучших жилых городов на планете.

– И один из самых дорогих, – подтвердила Этьена, – а башня, в которой мы находимся…

– Одна из положительных сторон нашей работы, – опять

усмехнулся он, – кроме того зачем довольствоваться средним, если можно получить лучшее?

– Вы сменили профессию врача на философа?

– В философии тоже есть свои положительные стороны…

– Вы нарушили протокол…

– Так же, как и ты, когда использовала мой диагност для лечения… кто он тебе? – внимательно посмотрел на её макушку мужчина.

– Уже никто.

– И так безрассудно рисковать? – строго попенял он, – раньше я никогда не замечал у тебя склонности к блондинам…

– Вы?!.. – вскинула голову Этьена, – откуда вы знаете?! Это вы, – вглядываясь в выражение его лица, вдруг поняла она, – натравили на меня патруль!

– Натравил? – как от оскомины, скривился мужчина, – и где ты научилась этим жаргонизмам?

Патруль, который хотел арестовать меня в 1943-ем был полностью непрозрачным. Все четверо, – так, словно всё это произошло только вчера, вспомнила Этьена.

Солнце… серебристо-серый асфальт… ползущие мимо Люксембургского сада санитарные автобусы, между которыми, заметив у сада цветочницу, побежал Доре.

Так ясно, словно она опять стояла на том асфальте, Этьена увидела, как, ныряя в щель между автобусами, Жан на мгновение коснулся ладонью лупоглазой фары.

Потом патруль… три солдата и офицер. Офицер потребовал документы и, когда она хотела достать их, забрал её сумочку. Потом за их спинами возникло белое как мел лицо Доре… выстрелы… он разметал патруль, схватил её за руку и потащил…

Опять выстрелы и…

– Я использовал типовой вариант, – как раньше на лекции, объяснил Карлос, – который рекомендует для достижения своих целей пользоваться типичными для данной среды методами. А в условиях военной оккупации…

– Зачем?

– Иначе ты бы запросто задурила им головы. Но я так и не понял, почему мой план провалился?

– Сквозь меня словно протащили весь город… я почувствовал, что подавился Нотр-Дамом, а Тур Эйфель чуть не продырявил мне печень… – кажется так охарактеризовал тогда свои ощущения Доре, – что это было? Только не говорите, что мне почудилось, – не дав ей открыть рот, сразу предупредил он, – я, пока ещё, не идиот, и галлюцинациями не страдаю. Да, и то, что было, ни в какую галлюцинацию не поместится… Так что это было?

– Телепортация, – слишком вымотанная, чтобы что-то придумывать, бухнула тогда она.

– Что? – растерянно опустил руки Доре.

– Моментальный перенос дематериализованного объекта на ограниченное расстояние с последующей обратной мате-

риализацией…

– С ума сойти…

«Он же ничего не знает! – внезапно сообразила Этьена, – абсолютно ничего! Карлос понятия не имеет о моей способности телепортироваться»…

– Так почему патруль тебя упустил? – напомнил мужчина.

– Случайность…

– Да? – так и не дождавшись более подробных объяснений, равнодушно пожал плечами Карлос, – что ж, в конце концов ты, всё-таки здесь.

– Вам не надоело уходить от ответа? – повернувшись спиной к стеклу, подняла на него глаза Этьена, – что вам от меня нужно?

Информацию.

– Какую? – удивилась она.

– Способы перехода на временные уровни пятой цивилизации.

– Что?! – поразилась Этьена.

– Я знаю, – глядя ей в глаза, размеренно произнес мужчина, – что в Корпусе разработали новые коды, позволяющие проникать сквозь временной барьер.

– Но я ничего не знаю… – начала Этьена.

– Не лги! – внезапно меняясь в лице, заорал он, – я знаю о твоем участии в программе!

«Не может быть»!.. – буквально онемела от изумления Этьена.

Ни разу за все четыре года обучения она не слышала от него ничего подобного.

И никто не слышал!

Зато все прекрасно знали, что выдержанный, невозмутимый и убийственно ироничный Карлос способен вогнать в краску любого одним движением своей брови. Или сарказмом, по эффекту воздействия сравнимым с ведром холодной воды на голову.

– Вот что, курсант, – видя, что она молчит, голосом, способным расплавить камень, продолжал он, – ты облажалась. Надеясь на твое сотрудничество, я закрыл глаза на твою историю с диагностом. Но если ты…

– Вы мне угрожаете?! – ещё больше изумилась Этьена.

– Говори! – схватив её за плечи, жестко повторил он.

Его лицо изменилось. А глаза… в них полыхнуло что-то такое!..

Интуитивно она выставила перед собой ментальный заслон и вдруг почувствовала, что в его сплошной ментальной броне появилась брешь.

Чисто рефлекторно, даже не успев осознать всю степень своего безумия, она попыталась ввести в неё…

Ответный ментальный удар чуть не опрокинул её на пол.

– Щенок! – сжав её так, что захрустели кости, сверкнул глазами мужчина, – ты вообразила, что твоих ментальных способностей хватит, чтобы взять под контроль меня?!

Небо, море, пол и земля…

Всё завертелось и смешалось перед её глазами.

– Садись, – развернув Этьену спиной к этой сине-зеленой мешанине, поднял её в воздух, а затем с размаху вогнал в кресло мужчина.

Несколько минут она не чувствовала ничего, кроме тошнотворного головокружения. Затем постепенно смешанные воедино цвета расслоились.

– Ещё одна такая попытка, – наклонившись над ней, предупредил Карлос, – и ты навсегда превратишься в растение. Или овощ, – сев в кресло напротив, уточнил он, – если это тебя больше устраивает.

– Нет, – автоматически возразила она, – совсем не устраивает.

– Мне нравится, как ты держишь удар, – усмехнулся он.

– Откуда вы знаете про программу? – чтобы что-то сказать, спросила она.

– Сейчас, – щелкнув пальцами, произнес Карлос, – это неважно.

По щелчку часть стены оплавилась и потекла, как подтаявшее мороженое. Коснувшись пола, она вытянулась и расплылась, образовав между их креслами столик, на который из оставшейся в стене ниши выплыл поднос с широким сифоном и двумя, похожими на заварочные чайники, прозрачными сосудами, в носики которых были вставлены гибкие трубочки…

– Дыши, – нацедив из сифона в её чайник тягучую струю

розового дыма, приказал мужчина.

Этьена молча сунула в рот трубку и осторожно вдохнула пахнущий чем-то сладким воздух.

Пока она дышала, чувствуя, как с каждым вдохом её сознание проясняется, Карлос тоже наполнил свой чайник дымом.

– Ну? – дав ей вдохнуть добрую половину порции, лениво осведомился он.

– Что? – оторвавшись от лицезрения дыма в своем чайнике, посмотрела на него Этьена.

– Ваньку валяешь? – недобро прищурился на неё мужчина.

– Нет, – отрицательно показала головой Этьена, – пытаюсь обдумать ваше предложение. И пока оно мне не нравится.

– Да? – иронично приподнял брови мужчина, – я что-то предлагал?

– В том-то и дело, что нет.

– Ты собираешься торговаться? – откровенно изумился он.

– А почему бы и нет? – точно так же, как он сам минутой раньше, подняла брови она, – у меня есть то, что…

– Если я сообщу про диагност, – наклоняясь вперед, прорычал мужчина, – тебя вышвырнут из Корпуса!

– А если я сообщу про атавару, – напомнила ему Этьена, – вас уволят из Академии.

– Девчонка! – как бумажный, сминая пальцами свой чай-

ник, ещё ниже прорычал он, – я могу заставить тебя…

Не можете, – с трудом отрывая глаза от его руки, хрипло обрубила она, – в самом крайнем случае я сотру всё.

– Не пытайся со мною играть! – в бешенстве швырнул комок на поднос мужчина, – всё может оказаться не таким приятным, как сейчас…

– В каком тысячелетии, – откидываясь на спинку кресла, иронично поинтересовалась Этьена, – вы научились замашкам уличного бандита?..

– Ты!.. – рванувшись вперед, навалился руками на стол Карлос.

Его лицо закаменело, губы раздвинулись, а глаза…

В глазах опять мелькнуло то, от чего на голове у Этьены зашевелились волосы.

«Не смотреть! – чувствуя, что от его взгляда начинает цепенеть тело, из последних сил приказала себе она, – только не смотреть»…

– Что ж, – когда ей удалось отвести глаза, разогнулся мужчина, – сожалею, – взмахом руки отправляя стол и поднос обратно в стену, произнес Карлос, – очень сожалею, – входя вслед за подносом в стену, завершил он.

2

Оставшись одна, она закрыла глаза и обессиленно оплыла в кресле.

Всё, что сейчас здесь произошло, было не просто непонятно. Это было невозможно. Абсолютно невозможно. И от того ещё более непонятно.

Она знала Карлоса со дня поступления в Академию. Увидела в первый раз на вступительных тестах. И потом, все четыре года их подготовки…

«Не понимаю»! – закрыв глаза, она с такой силой сжала веки, словно надеялась отыскать ответ среди вспыхнувших в темноте фосгенов.

Карлос никогда не был ей другом. Как, впрочем, и никому на курсе. Врач, психолог и один из ветеранов Программы временных исследований. Для них, желторотиков, он был живой легендой. И, если бы захотел, то запросто мог бы стать кумиром. Он он не хотел.

Он был решительным, жестким и, работая с курсантами, деспотично педантичным, вбивая в их, взбудораженные открывающимися возможностями, головы жесткие правила почти военной дисциплины, заведенные в Академии.

Никто ничего не знал ни о его личной жизни, проходящей за пределами Академии, ни о месте его рождения, ни…

«Ни о чем, – уже немного успокоившись, завершила Этьена, – если бы это было возможно, то мы решили бы, что он сам пришел в Академию через Капсулу времени. Но это, в принципе, невозможно».

Хотя в Академии он вел несколько спецкурсов, все знали, что львиную часть своего времени Карлос проводит в своей

лаборатории и во временных экспедициях. О них тоже придумывали всё самое невероятное, потому что, вернувшись из своих вылазок, он никогда никому ничего не рассказывал.

О том, что у него есть лаборатория, Этьена узнала только в самом конце учебы, когда Карлос привел их туда для очередного обследования. Потом, уже перейдя в Корпус, ей ещё несколько раз приходилось бывать там.

Однажды, ожидая результаты очередных тестов, Этьена вдосталь потрепалась с одним из лаборантов. Наверное, она произвела на него довольно сильное впечатление, потому что парень из кожи вон лез, чтобы заинтересовать её. Он даже добился её согласие на свидание.

Впрочем, первое и последнее. Но…

Потом, позже, оказавшись в безвыходном положении, Этьена села в Капсуле в кресло и с помощью Мозга вытащила из своей памяти всю необходимую ей информацию.

После этого, правильно подгадав время, она беспрепятственно вынесла из его лаборатории компактный мультифункциональный медицинский комплес, кратко называемый диагностом.

Потом, когда Жан пошел на поправку, она осторожно унесла диагност обратно.

Позже, она сама не один раз поражалась, как просто всё оказалось.

«Совсем не просто… Наверное, у него там своя система слежения, – представив себе лабораторию, предположи-

ла она, – Виктор, его лаборант ничего не говорил о ней, но, иначе, как Карлос мог узнать, что это я»?

Возвращая диагност, она постаралась до минимума сократить время, чуть ли до десяти минут ужав разрыв между своим уходом и возвращением обратно. И, беспрепятственно завершив операцию, наивно обрадовалась своей удачливости. Но, если там, действительно были камеры…

«Глупая, кого я хотела обмануть? Наверное, он давно уже искал способы… и тут я… прямо-таки на блюдечке… хотя, если он хотел попасть в тот период, то почему сам не вступил в программу? – дойдя до этой мысли, поразилась она, – он же по всем своим показателям на голову выше всех нас?! Да, чего там, на голову! Его бы точно взяли! Странно», – всерьез задумалась Этьена.

Время шло. День за прозрачной стеной пошел на убыль.

Нежно-лазурный цвет неба загустел. Облака, подкрашенные заходящим солнцем сверху и снизу, приобрели объем и зрительно потяжелели. И без того далекая земля ещё более отдалилась.

Верхушка каждой из окружающих её башен вспыхнула, а от их оснований по земле протянулись длинные хвосты тени.

«Что же его там так заинтересовало? – машинально глядя в окно, продолжала соображать Этьена, – и почему для него так важно сохранить свой интерес в тайне»?

Земля исчезла. Темнота поглотила основания башен, отчего казалось, что их сверкающие верхушки бестелесно по-

висли в воздухе.

«Карлос начал искать меня после того, как получил возможность меня шантажировать, – возвращаясь к себе самой, подытожила Этьена, – поэтому он и перехватил меня вне Корпуса. Но как я могла так подставиться? – скривившись от непроходящего ощущения пустоты и заторможенности, она попыталась вспомнить, что предшествовало появлению атавары, но, – я ничего не помню…ни до, ни после… вообще ничего! Не паникуй! – чувствуя, что паникует, прикрикнула на себя Этьена, – ты и не могла ничего помнить! Карлос сказал, что я попала под коляску… Какую ещё коляску?»

Сосредоточившись на своих последних воспоминаниях, она попыталась восстановить предшествующие события, но в памяти всплыли только бараньи глаза горничной.

– Фанни, распорядитесь, чтобы накрыли завтрак в малой гостиной, – как наяву, услыхала она свой голос, – и попросите Мишеля предупредить моего супруга.

– Хорошо, мадам, – горничная положила приготовленное платье на стул и вышла.

Она устала. Безумно устала. Устала от глупого, двусмысленного положения, в которое они себя поставили, устала от необходимости соблюдать видимость благополучия, от его присутствия, от собственных мыслей, от которых невозможно было ни спрятаться, ни отмахнуться.

«Мы стали чужими… ещё более чужими, чем два незнакомых человека».

Вчерашний вечер она провела дома. Опера давно уже опротивела, пассажи и светские визиты – тоже.

Пересаживаясь от зеркала к столу, она недовольно покосилась на приготовленное для вечеринки у баронессы де Крамай платье и отвернулась: «Хватит с меня. Хотя бы, на сегодня… С цепи они все сорвались, что ли?

Либо у меня приступ паранойи».

Днем она прогулялась по магазинам, заехала к ювелиру, к модистке, в шляпную мастерскую, хотела ещё заехать в кафе, но… Как-то разом устав от всего, вернулась домой, переоделась в халат, отпустила горничную и вот уже который час бесцельно кружила по комнате.

Возможно, действительно, разгулялись нервы, но.

«Нет, нервы тут ни при чем. Сегодня почему-то я вызываю повышенный интерес, – обхватив себя руками за плечи, Этьена оперлась спиной о стену и попыталась проанализировать ситуацию, – да, дело именно в этом. Чем я могла привлечь к себе внимание? А если это – месть? В отместку за ночной афронт виконт мог наболтать что угодно… Если так, то надо принимать меры…»

Она подхватила подол халата и почти бегом направилась к половине супруга.

– Жан!

В его кабинете никого не было. На голос из спальни вышел Мишель, сдержанно поклонился.

– Мишель, мой муж у себя?

– Нет, мадам.

– Он сказал, когда вернется?

– Нет, мадам.

– Спасибо, Мишель.

Она повернулась, и устало поплелась обратно.

«Чужие… ты – сам по себе, я – тоже. Благо, место позволяет, – от обиды на глаза навернулись слезы, которые она зло вытерла ладонями, – ты, по крайней мере, хоть не скучаешь… Действительно, – обвела глазами пышную оранжево-золотую обстановку гостиной, через которую проходила, – что тебе здесь делать? Музей… образцово показательный интерьер, от которого скулы сводит…»

Этьена чуть ли не с ненавистью посмотрела на кричаще-яркую кретоновую обивку кресел…

– Мадам, – вошла горничная, неся два букетика искусственных цветов, – прислали цветы… вы хотели выбрать, какие лучше подойдут к платью.

– Спасибо, Фанни, потом.

Горничная хотела что-то возразить, но, вглядевшись в лицо хозяйки, опустила глаза и вышла.

«Зато теперь ты не скучаешь… в гнездышке с этой… своей… твоей… со всеми потрохами твоей. Перестань! – тут же осадила себя Этьена, – это – его дело».

Если бы можно было вернуть. Если бы. Вернуть Париж, её особнячок, совсем крошечный на фоне этого экзотического монстра, осень, часы, когда они занимали друг друга расска-

зами, ощущение, что ты не безразличен, что.

Полтора года перечеркнули всё.

«Прошлого нет, и не будет, – безжалостно подвела итог Этьена, – очнись, глупая, всё давно прошло. Ясно тебе? Настолько давно, что ты стала другом, коллегой, если хочешь. Мало ли, что могло бы быть! Не было. Не случилось. Не произошло. Всё».

За окном медленно умирал вечер.

«С Отреем зашло слишком далеко. Придется провести корректировку сознания, – попав в привычное русло она заметно успокоилась, – можно было бы просто удалить интерес ко мне… хотя… нет, слишком заметно. Резкое изменение поведения может привлечь ненужное внимание. Лучше переключить его на другой объект… Хотя бы на маркизу де Рулье. Тогда оправдывается его частые визиты сюда, ведь маркиза живет напротив, – потерла висок, – нет, нестыковка. Черт с ней! Мало ли, за кем ухлестывает этот хлыщ! Главное, чтобы он отцепился от меня раньше, чем дело дойдет до дуэли. Но если всё-таки дойдет, – недобро сверкнула глазами Этьена, – уничтожу».

На прием она так и не поехала. Заперлась в спальне и опять медленно зашагала из угла в угол, от лукаво улыбающейся Коломбины к расстеленной кровати, от кровати – к Коломбине…

«Так дальше нельзя».

К утру от бессонницы болело всё тело, ломило виски, а в

глаза словно бросили по горсти речного песка.

«Надо что-то решать. Мы ничем не связаны друг с другом, но мы находимся здесь и вынуждены соблюдать определенные правила. В глазах окружающих, мы – семья. Муж и жена…. Хотя это и не исключает наличие любовницы. Пожалуй, даже, наоборот. Если кто и ведет себя глупо, – безрадостно усмехнулась Этьена, – так это я. Отрей… нет, – она передернула плечами от отвращения, – липкая, скользкая гадина!»

На столе громко затрещала свеча. Язычок пламени сжался, рванулся вверх, опять опал, распластался по стеариновой лужице на дне подсвечника.

Комната поплыла, растворилась в зыбкой предрассветной мути.

Этьена на ощупь нашла в ящике стола новую свечу, попыталась вставить в подсвечник, но обожгла пальцы, и яростно отшвырнула свечу на пол.

«Шлюха!.. – внезапная боль словно прорвала невидимую плотину, – дрянь!»

Она скривила губы и неожиданно для себя засмеялась, нет, захохотала, опершись одной рукою о стол, а ладонью другой плотно обхватив свое горло: «Оба хороши! Баран да ярочка! Мерзавец! И я – тоже!»…

Преодолев приступ смеха, она отшатнулась от стола и оперлась обеими руками на подзеркальник.

«Истеричка, – тупо мотнула головой, – нарисовала се-

бе!.. – уставилась на своё отражение, – вот тебе, получи!»

Из бестелесной глубины серого овала ей навстречу качнулась черная бесформенная масса.

«Это – не кино, это – реальная жизнь. А в ней мужику нужна баба. Ясно тебе? – её губы сами собой издевательски изогнулись, – баба! Которой ты стать таки не смогла! Ты ему не нужна. Он тебя не хочет, ясно тебе? Её – хочет, а тебя – нет. От неё он получает всё, а тебя не хватило даже на поцелуй…»

– Мишель говорит, что месье графа нет дома.

– Как, нет? – бесцеремонно вырванная из потока воспоминаний, Этьена с неподдельным удивлением уставилась на горничную.

– Месье уехал около трех часов назад, в коляске с двумя господами…

– Он велел заложить коляску вчера?

– Нет, мадам, он уехал в чужой коляске. За ним заехали.

– Кто?

– Мишель не знает. Коляска остановилась у входа. В дом никто не поднимался.

– Мишель видел, кто там был?

– Да, мадам, – горничная запнулась и опустила глаза, – граф Мариво и доктор Лебран.

– Доктор?… – уже начиная понимать, Этьена вцепилась пальцами в край стола и стала медленно оседать на стул.

«Дуэль! Только бы не… что угодно, только бы не!.. – даже

мысленно боясь произнести это слово, взмолилась Этьена, – как же я не догадалась. Что же я наделала!»

– Спасибо, Фанни. Подайте платье.

«Около трех часов… значит, всё уже произошло. Он жив! Иначе я бы знала. Если только.»

Этьена вскочила и как была, в не зашнурованном, сползающем с плеч платье, помчалась на половину мужа.

– Мадам!..

В спальне она сразу бросилась к бюро, лихорадочно осмотрела столешницу, поочередно открыла и перебрала ящики.

«Он жив, – не найдя того, что искала, девушка бессильно опустилась перед бюро на стул, – он взял часы. Но сигнала не было. Раз не было сигнала, значит, он жив.»

В зеркале отразилось белое до синевы лицо с трясущимися губами.

– Успокойся, – не столько себе, сколько той незнакомке в зеркале медленно произнесла Этьена, – на сей раз, обошлось.

И тут её внимание привлек желтый блик, отразившийся в зеркале. Медленно, как автомат, она протянула руку и зацепила уголок скомканного носового платка, из-под которого выползала тонкая змейка золотой цепочки.

«Забыл. Именно сегодня ты их забыл… или намеренно оставил».

«Хватит, – отрывая себя от воспоминаний, мысленно ско-

мандовала себе Этьена, – это мне сейчас не поможет».

Отметая всё лишнее, она мысленно сосредоточилась и попыталась хоть что– нибудь услышать. Ничего. Непривычное состояние внутренней пустоты сродни внезапно навалившейся глухоте. Прекратив бесполезные попытки, Этьена нервно передернула плечами, вернулась к кушетке, забралась на неё с ногами, подтянула колени к подбородку и обхватила их руками.

«Влипла, кажется, по полной программе…»

В комнате резко похолодало. Этьена плотнее прижала колени, опустила голову и попыталась расслабиться.

«Это – не более чем внушение, – уже замерзнув до зубовной дрожи, попыталась убедить себя Этьена, – один из его любимых методов, – решив ослабить силу внушения, она хотела выпрямиться, но даже не смогла пошевелиться, – он что, с ума сошел?! Он же меня просто заморозит»!

«Неужели я даже не могу встать?! – девушка рванула себя так, что хрустнули мышцы, но тело осталось неподвижным, – он меня пугает! Точнее, запугивает»…

Паника прошла.

«Хочешь меня заморозить? Да ради бога», – прекращая борьбу, она представила себе теплую (даже горячую!) ванну и с наслаждением погрузилась в воду.

В комнате потеплело, тело расслабилось, и Этьена боком завалилась на кушетку.

Потом начала болеть голова.

Боль поползла по позвоночнику, медленно превращая тело в один перекрученный жгут нервов, затем короткий яростный всплеск и новая волна…

Затем опять всплеск и новая…

3

– Как мы себя чувствуем?

Этьена открыла глаза и тупо уставилась на облака. Потом поморщилась и перевела взгляд на кресло, в котором опять сидел Карлос.

– Ты.

– Тебе лучше пока не вставать, – нагнулся вперед врач, с профессиональным интересом изучая измятое лицо с опухшими веками и густой синевой под глазами, – извини, не ожидал. Я был уверен, что ты сильнее.

Этьена закрыла глаза. Карлос откинулся на спинку кресла и отдался созерцанию панорамы города.

– Я всегда считал тебя наиболее одаренной из всего выпуска. Но сейчас ты ведешь себя просто глупо.

– Где гарантии, – девушка опять открыла глаза и слегка повернула голову, – что, получив своё, вы не добьетесь моего увольнения?

– Пожалуй, я не ошибся, – удовлетворенно отметил Карлос, – я уже сказал, что ценю твои исследовательские способности.

– Они не больше, чем у любого другого поисковика.

– Возможно, больше.

– Значит, вы и дальше собираетесь меня шантажировать? – настороженно посмотрела на него Этьена.

– Лучше назовем это взаимовыгодным сотрудничеством, – усмехнулся мужчина.

– И в чем здесь моя выгода?

– В том, что, получив всё, что мне нужно, – раздельно произнес он, – я сотру эту нашу встречу из твоей памяти и забуду о твоем посещении моей лаборатории. А сейчас, коды перехода, – жестко приказал он.

– У меня их нет.

– Что? – приподнялся мужчина.

Этьена тоже привстала. Кушетка, подлаживаясь под новое положение её тела, вырастила сзади высокую подушку. Девушка откинулась на неё и прикрыла глаза.

– Если бы вы больше интересовались спецификой пограничной навигации, то давно бы знали, что ни у меня, ни у кого другого их нет, – она замолчала, кожей чувствуя закипающее в нем бешенство, – но у меня есть к ним доступ, – сбившись с тона, быстро договорила она.

– То есть, – тоже сбавил тон Карлос, – ты можешь…

– Да, – теряя над собой контроль, нервно кивнула Этьена, – я могу задать центру управления капсулы вопрос и получить на него исчерпывающий ответ.

– Я тебе не верю! – вцепившись в её глаза взглядом, мед-

ленно проговорил он.

Я говорю правду, – прекратив сопротивление, устало подтвердила она, – я… если хотите, то можете вывернуть меня наизнанку… но если вы собьете настройку, то… – нервно дернув ртом, завершила она, – я действительно стану для вас бесполезной.

– Хорошо, – встал Карлос, – едем прямо сейчас. Но ты, – нагнувшись над ней, предупредил он, – будешь находиться под моим полным ментальным контролем. Ясно?

– Да, – покорно подтвердила Этьена.

– Хорошо. Встань, – приказал он, – пошли.

Со стороны это выглядело, наверное, просто умилительно.

Высокий спортивного вида мужчина бережно вел свою изящную даму под руку.

«Как два голубка», – выходя из здания, увидела отражение в стекле Этьена.

Аэротакси доставило их на продуваемое всеми ветрами высокогорное плато. Карлос расплатился, помог Этьене выйти и нажал на панели управления кнопку возврата.

Полупрозрачная полусфера такси поднялась в воздух, развернулась и, плавно набирая скорость, унеслась обратно в город.

– Осторожно, – поддерживая под локоть, предупредил Карлос, – пойдем.

По-прежнему крепко держа её под локоть, он развернул

Этьену спиной к смотровой площадке и повел по покрытой темным, стилизованным под утоптанную землю, покрытием дороге.

– Раньше здесь, действительно, была тропа, – довольно доброжелательно начал он, – семь месяцев в году она была завалена снегом и около трех тонула в грязи. Зато все остальное время она, действительно, была почти такой, как эта.

– Да, – деревянным голосом подтвердила Этьена, – зато гнуса на ней было…

– Увы, – так же доброжелательно усмехнулся Карлос, – гнуса на ней и сейчас хватает. Жаль, что его нельзя выключить из эволюционного цикла планеты.

– Или приучить кусать только себе подобных, – механически переставляя ноги, поддержала разговор Этьена, – как здесь тихо сегодня.

– Рано, – объяснил Карлос, – в этом времени на Сахалин люди в первую очередь ради казино едут. Играют до рассвета, затем отсыпаются до полудня. Ну, а уж после этого, ради променада после завтрака, могут и сюда подняться.

– Не только ради променада, – попыталась возразить Этьена, – там, в пещере уникальные наскальные рисунки…

Знаешь, курсант, – беззлобно усмехнулся Карлос, – люди больше всего ценят то, что потеряли. А это, – кивнув головой на покрытое невысокими сопками нагорье, по которому петляла дорога, – у них пока ещё есть, – посерьезнев, договорил он.

– Да, – согласилась Этьена, – пока ещё… если вы не ослабите контроль, – прислушавшись к себе, предупредила она, – то вам придется вносить меня в капсулу как груз. Я сейчас даже сигнала маяка не улавливаю.

– Ничего, – успокоил её Карлос, – внесу, если потребуется.

– Почему вы сами не вступили в программу? – задала так интересующий её вопрос Этьена, – ведь вы, наверняка, могли это сделать.

– Мог, – подтвердил Карлос.

– Но, тогда, почему?…

– Потому, – не дав ей закончить фразу, оборвал мужчина, – что много будешь знать – скоро состаришься. А старится тебе, курсант, – сворачивая на пересекающуюся с дорогой тропу, с усмешкой добавил он, – ещё рановато.

– Почему вы все время называете меня «курсантом»! – покорно подчиняясь нажиму его руки, возмутилась Этьена, – вы же прекрасно знаете, кто я!

– А ты? – не останавливаясь, внимательно посмотрел на неё мужчина.

– Что, я? – не поняла Этьена.

– А ты сама знаешь, – всё также внимательно глядя ей в глаза, произнес он, – кто ты?

– Я не понимаю…

– Я вижу, – подтвердил он.

– Что вы там ищите? – в лоб спросила Этьена.

– Ого! – насмешливо выговорил Карлос, – сразу берешь

быка за рога?

– Вы же всё равно сотрете мне память, – напомнила ему Этьена, – поэтому я не смогу воспользоваться этой информацией. Мне просто любопытно, ради чего вы всё это делаете?

– Курсант…

– Я не курсант!

– Да, ну? Пара удачных экспедиций и ты уже возомнила себя старым межвременным волком?

Пройдя еще немного, они уткнулись в прозрачный колпак, защищающий вход в пещеру.

Карлос нажал на запирающую вход пластину.

Колпак бесшумно поднялся. Видимая за ним часть пещерного коридора осветилась неярким красноватым светом.

– Пошли, – потянул её внутрь пещеры Карлос, – осторожней, – наткнувшись ногой на брошенный контейнер, предупредил он, – твои любители доисторической живописи постарались…

– Что вы там ищите?

– Зачем тебе? Даже если я скажу, ты всё равно всё забудешь.

– Ну, всё-таки?

– Хорошо. Я ищу там кое-что очень важное для меня.

– И?…

– Без «и», – совсем другим, гудящим, как ударенный металл, голосом резко отрубил он, – ясно?

– Да.

Теперь они шли молча.

На коричневато-серых стенах бесконечной чередой выстроились необычайно реалистичные изображения древних слонов, носорогов, оленей с ветвистыми рогами, огромных хищных кошек, птиц. Некоторые животные стояли спокойно, другие напряженно прислушивались. Огромный слон угрожающе поднял хобот, словно бы отступая перед напором окруживших его маленьких красных человечков, замерших в странных танцевальных позах.

Этьена невольно задержалась у изображения легкого, стройного животного, гордо летевшего через головы размахивающих копьями карликов.

– Похоже, этой красавице удалось уйти.

– Как? – машинально спросил Калау, осторожно проводя рукой вдоль стены.

Пальцы замерли, затем вернулись назад.

– Вот так!

Этьена шагнула назад и резко толкнула мужчину в спину. Тот всплеснул руками, попытался удержаться за стену, но голова и руки прошли насквозь. Тогда, воспользовавшись секундным ослаблением ментальной узды, Этьена наклонилась, обхватила его за ноги и, оторвав тело от пола, зашвырнула его в стену. После чего проворно отдернула руки и отскочила к противоположной стене пещеры.

«Один, два… – в голове раздался звук рвущейся ткани, а

вслед за ним низкий басовитый вой сигнального маяка капсулы, – невероятно… я справилась»… – обессиленно приваливаясьсь к стене, устало прикрыла глаза Этьена.

«Вот так… – глубоко вдохнув, она открыла глаза и по-приятельски подмигнула гордо летящей антилопе.

– Вот так! – уже входя в стену, повторила Этьена.

В опустевшей пещере потянуло прохладным сквозняком.

Затем с тихим шелестом опустился прозрачный колпак над входом и погас свет.

«003.02.05.1488» – слева и «XXX. 1750012. VIIXXIVV. IXXIVI/ 001970» – справа.

Этьена ещё раз сверилась с адресом, указанным в личном реестре перемещений.

«Лучше бы – Сергей…» – его психические характеристики ещё в Академии были на порядок выше, чем у Хенка, но… патрульный есть патрульный… Сначала Этьена оставила на его код вызов, но почти сразу стерла, тщательно проверив, чтобы не осталось никаких следов, и закрыла ячейку.

«Незачем… когда рыльце в пушку, незачем впутывать временной патруль… справимся сами».

Глава 2

1

Мало что бывает хуже, чем очнуться в кромешной тьме. Страх сначала безжалостно прижимает к земле, а затем срывает с места и гонит прочь.

«Сидеть! – вцепившись ногтями в плиты пола, уперся спиной в стену Доре, – где я?» Пальцы левой руки осторожно ощупали шершавую поверхность пола: «Так… за спиной тоже камень… если это и сон, то из разряда кошмаров».

Под пальцами правой что-то хрустнуло. Сжав незнакомый предмет в горсти, он поднес вплотную к лицу, так, что почувствовал слабый запах сухого дерева и ещё чего-то неприятно едкого.

«Темно, как у негра… спички! – ещё не веря в удачу, ощупал упаковку левой рукой, – точно, спички. Только откуда?»

Дома за период оккупации спички стали почти недоступной роскошью, поэтому пользовались либо зажигалками, либо кресалом. У него самого в кармане всегда была небольшая компактная и очень удобная кремневая зажигалка, не раз выручавшая в горах, но здесь… Здесь в карманах никаких спичек не было и быть не могло!

«Неужели случайно попались под руку? – последние со-

бытия настолько четко всплыли в памяти, что никакой неуверенности не осталось, – действительно, везунчик».

Жан встал, на ощупь отделил одну толстую фосфорную спичку: «Всего пять… надо растянуть до выхода,» – чиркнул о каблук и поднял крохотный факел над собой.

Тупик.

Напротив него шагах в четырех выход в коридор, а за спиной глухая стена. «Вот почему так сильно врезался, – при воспоминании об ударе сразу заныли плечи, – места не хватило. Хорошо, хоть успел пригнуть голову. Зачем только он вообще сюда полез? Если из-за меня, то проще было подрезать на входе. А если?… – мужчина опустил голову и машинально потер пальцем висок, – тогда, в катакомбах, Этьена тоже говорила про Нотр-Дам. Ей надо было попасть как можно ближе к собору, и я обещал её вывести. Точно!

Когда всё сломают, то именно здесь будет сквер! Разломают все сараи, посадят деревья… от старого останется только стена и набережная… стена… и дверь в стене… и все эти подвалы, которые стоят здесь черт знает с каких времен. Идеальное место. И, если этот тип из. – вспомнились круглые совиные глаза, от взгляда которых даже сейчас в висках гулко запульсировала кровь, – точно, оттуда, – сам себе подтвердил Доре, – больше неоткуда. Значит, вход в капсулу должен быть где-то рядом«…Догорев до ногтей, спичка больно обожгла пальцы. Жан автоматически отшвырнул её в сторону. Горящая щепочка описала плавную дугу, ударилась

о стену напротив и рассыпалась мелкими красными точками.

«Дуга… дуга!.. – воспоминание бродило по самому краю сознания, – красная… нет… зеленоватая дуга… пунктир! – как наяву, перед мысленным взором засветился бледно-зеленый полукруг, – точно! Где-то здесь… – уставился он на противоположную, невидимую в темноте, стену, – или здесь, – ладонь зашарила по поверхности за спиной, – нет, это должно быть в стене напротив, иначе я не смог бы увидеть».

«Спички лучше попридержать, – уже захватив пальцами вторую, вовремя сообразил Жан, – мало ли что».

Он сунул упаковку в карман, встал и начал осторожно ощупывать стену руками. Пальцы, где скользили по отполированной временем поверхности, где застревали на шероховатостях и трещинах.

Ничего.

Закончив ощупывать и простукивать стену за спиной, он перешел к короткой торцевой, затем к следующей, противоположной от того места, где сидел.

«Возможно, эта штука никак на меня не реагирует. Если так, то она для меня ничем не отличается от остальной стены, – пальцы добрались до границы твердого камня и согнулись, продолжая ощупывать ровный острый срез, – опять ничего! Я сантиметр за сантиметром ощупал все три стены и ничего. Дьявол!» – в бессильном бешенстве он пнул ногой стену и полез в карман за спичками.

«Хорошо, хоть все не извел», – нашаривая в кармане упа-

ковку, безрадостно подумал Доре.

Найдя, он запалил огонек, поднял спичку над головой и растерянно уставился глазами в стену, находящуюся не дальше десяти сантиметров от его носа.

– Чтоб тебя! – не удержался мужчина.

«Как же я об неё не ударился? – удивился он, – я же поднимал руку. Да что там руку! Я же абсолютно определенно нащупал угол. – секундой позже сообразил мужчина, – здесь должен быть коридор…»

«Господи!» – Жан замер и в немом изумлении уставился на свою руку, точнее, на торчащую из стены кисть, держащую спичку.

Иногда, в минуты крайнего душевного потрясения, человек перестает воспринимать себя как себя, а видит и воспринимает себя, как чужого, постороннего ему человека. Вот именно такой посторонний человек стоял сейчас перед монолитной известняковой стеной с наполовину обрубленным предплечьем и торчащей из стены кистью, в судорожно сжатых пальцах которой громко трещала спичка.

– Нет!

Он шарахнулся назад, прижал к груди выхваченную из камня руку.

Спичка погасла.

«Черт с ней, со спичкой!»

Оказавшись в темноте, Доре поспешно ощупал руку и облегченно перевел дух.

«Дурак – я! – теперь всё казалось настолько очевидным, что он даже скривился от своей минутной недогадливости, – это же дверь! Вход в капсулу времени, который открыт для меня… сам же искал, а, найдя, чуть не помер от страха. Герой! Спасибо, хоть никто моего позора не видел».

Успокоившись, он зажег ещё одну спичку и тщательно обследовал стену. Внутри примерно двухметрового овала сплошная поверхность известняка, действительно, не оказывала никакого сопротивления, как сквозь воздух, пропуская сквозь себя его пальцы.

«А что ещё можно было ожидать? – рука, держащая спичку, нервно вздрогнула, отчего тень за его спиной испуганно колыхнулась, – так и должно было быть… в капсулу надо как-то попадать…входить…если здесь дверь, то капсула должна быть там, – глаза панически заметались по абсолютно реальной, грязновато-серой поверхности стены, – капсула настроена на меня… один раз я уже был там, значит, могу попытаться ещё раз. – не отдавая себе отчета, что он тянет время, Жан зажег ещё одну спичку, – я уже сунул туда руку, и ничего не случилось. Значит, я могу туда попасть… если я не прав.»

Доре зажмурился и шагнул.

2

Взрыв, удар, вспышка света. Он и сам не знал, что должно

было произойти.

Не произошло ничего.

И в то же время что-то разительно изменилось.

«Запах, – не разжимая век, втянул носом воздух мужчина, – запах другой».

Воздух пах… ничем. Ни затхлости, ни горьковатого привкуса плесени, ни едкого духа влажного известняка.

Абсолютно стерильный, безликий воздух.

Жан осторожно приоткрыл веки.

Перед ослепшими от яркого света глазами расплылось уже знакомое зеркало дисплея, дугообразный пульт, вертящееся кресло, кушетка.

Дождавшись, пока глаза привыкнут к освещению капсулы, Жан подошел к креслу, нерешительно постоял рядом, потом вернулся к кушетке и сел, напряженно подогнув под себя ноги.

Тишина. Такая, какой не бывает больше нигде ни на, ни под землей.

«Интересно, а где, всё-таки, всё это находится? – тогда, в первый раз, объяснения Этьены показались настолько неправдоподобными, что почти не затронули его сознание, – надо было слушать внимательно, – всё ещё рассматривая дисплей, запоздало укорил себя Доре, – хотя, честно говоря, только математических выкладок мне тогда и не хватало».

На самом деле, вполне понятно, что он мало что тогда по-

нял.

Он и капсулы-то тогда не рассмотрел как следует.

Нет, сглупил он не тогда, а позже, когда в течение почти трех месяцев так и не удосужился расспросить подробнее. Сначала, подавленный окружающей его обстановкой, самим сознанием того, что дышит воздухом столетней давности.

Затем пониманием того, что изо дня в день живет в этом, давно исчезнувшем для него, мире. Таком реальном и в то же время настолько похожем на декорацию спектакля, что порою у него создавалось впечатление, что, свернув за угол улицы, или открыв дверь комнаты, он внезапно окажется за кулисами. Даже смерть в этом мире казалась ему не более реальной, чем любая театральная смерть, когда герой или героиня более или менее натурально умирали на сцене, дожидались закрытия занавеса, после чего вставали и начинали отряхиваться, готовясь выходить на поклоны.

Нереальным казалось всё.

Всё, кроме его ревности. Уж она-то была обжигающе реальной. Если бы не ревность, не было бы ни этой дурацкой дуэли, ни ссоры. Ничего бы не было. Лошади Кармедека благополучно пролетели бы мимо, выскочили бы либо на Риволи, либо пронеслись дальше между церковью и Лувром к набережной.

В любом случае, ни его, ни Этьену это бы никак не коснулось.

Только сейчас, сидя на плотной (ни жесткой, ни мягкой, а

именно упруго плотной, идеально подлаженной под его рост и объем) кушетке, Жан понял, что каждый раз, когда Этьена пропускала те самые дамские чаепития, на которые она якобы шла, она приходила сюда.

В то время, когда он полагал, что женщина, которую окружающие считали его женой, катается в коляске своего любовника, она сидела здесь. В этом кресле, за этим пультом.

Или выходила в другое время… возможно, встречалась с каким-то другим, более интересным для неё человеком.

Не замечая, что пускается по привычному кругу, Жан мысленно попытался представить себе его. Лицо, фигуру…

Сейчас он уже почти не сомневался, что Этьена жива. Просто тот, в отличие от него, бестолково протаптывающего ковер, пришел и забрал её с собой.

Теперь он видел, что вся история с похищением с самого начала была чушью. Глупой, бездарной выдумкой, за которую он схватился, чтобы скрыть от себя единственную, самую очевидную причину её исчезновения. Причину, благодаря которой тот человек не только знал, где она находится, но и мог следить за её состоянием.

Она лгала. Да, теперь для него было абсолютно ясно, что она лгала ему. Она скрыла от него местонахождение капсулы, свои отлучки, свои встречи. Возможно (разыгравшееся воображение несколько притормозило на расплывчатом пятне вместо лица, а затем понеслось дальше), когда она не пришла на встречу, он пришел сюда сам. Пришел, настолько уве-

ренный в своем превосходстве над окружающими, что, увозя Этьену, даже не удосужился предупредить его самого.

«А чего я ждал? – не замечая, что начинает люто ненавидеть своего неизвестного (а возможно, и не существующего) соперника, с остервенением подумал Доре, – что он представится, сядет в кресло и доложит мне подробный план своих действий? Плевать ему на меня!»

Да, ревность была реальной.

Ревность и капсула времени, непритязательная утилитарность и абсолютная чуждость которой буквально потрясали душу.

«Я не имею права находиться здесь! – Жану вдруг показалось, что ещё мгновение и пространство капсулы начнет съеживаться, – для меня здесь нет места! – внезапно ему показалось, что по стенам прошла волнообразная дрожь (возможно, именно так колеблются стенки желудка, настраиваясь на переваривание попавшей внутрь пищи), – я!..»

Слепой инстинкт сорвал его прочь с кушетки и швырнул в центр капсулы.

Уже не владея собой, Жан вцепился руками в спинку операторского кресла и диким взглядом зашарил по одинаково ровным, бледно-серым стенам. Если бы он нашел выход, то выскочил бы отсюда прочь. Если бы только нашел!

Выхода не было.

«Когда я вошел, то сразу увидел дисплей», – уже не соображая, что он делает, мужчина оторвал ладони от кресла,

развернулся спиной к дисплею и швырнул своё тело на стену.

На твердую и непроницаемую… абсолютно непроницаемую стену!

Удар был настолько жестким, что на несколько секунд вымел из головы всё!

Затем пришла боль. Первой заболела скула, затем вся левая сторона лица, шея и ладони.

«Не прошел, – обессилив от удара, Жан тупо пошевелил пальцами, – и не мог пройти. Дурак и паникер. Если не сказать, что трус, – теперь, всё ещё прижимаясь всем телом в поверхности, он вспомнил, даже не вспомнил, а мысленно прокрутил перед собой всю процедуру выхода во время, которую, не вдаваясь в подробности, провела тогда Этьена, – кажется, я понял».

Глупо стоять, прижимаясь телом к стене. Ещё более глупо, чем пытаться выскочить сквозь неё наружу.

«Хорошо, что успел повернуть голову, – отлипая от стены, отчужденно подумал Доре, – иначе мог бы сломать нос… или разбить губы. Шлепал бы ими, как оладьями».

Капсула всё ещё качалась, но теперь качка уже не вызывала такой паники.

Жан приноровился, попал в такт качания и в подходящий момент перекинул себя обратно на кушетку.

«Кажется, я понял… – сиденье мягко спружинило, отчего всё вокруг закачалось ещё больше, – это же так просто, – стараясь не смотреть на стены, он сосредоточил взгляд на

своих ботинках, – меня просто повело от избытка кислорода. В подвальном воздухе его было меньше, здесь больше, вот меня и закачало как от выпивки… паникер несчастный!»

Жан оперся спиной о стену, вытянул ноги и прикрыл глаза. Скула ещё продолжала ныть. Левое плечо, принявшее на себя основную силу удара, тоже. И коленка.

Зато полностью исчезла боль в левом боку.

«И на том спасибо», – машинально подумал Доре.

Постепенно качание прекратилось.

Захотелось пить.

Жан отмахнулся от жажды. А в следующий момент точно также отмахнулся и от голода, попытавшегося тайком заползти в желудок.

Сейчас настало время думать, что делать дальше.

Можно было вернуться домой, в послевоенный Париж, напомнить киностудии о себе, невыплаченном долге и контракте ещё на одну роль.

«Если эта богадельня ещё существует», – напомнил ему внутренний голос, как червь яблоко, неугомонно грызущий его все последнее время.

«Лучше помалкивай, – зло осадил его Доре, – ты мне и так порядочно испортил жизнь, так что сейчас – лучше заткнись».

«Всё могло измениться, – не желая затыкаться, опять запищал внутренний голос, такой же настырный и упрямый, как и он сам, – кинокомпания могла обанкротиться, закрыть-

ся. Не забывай ещё и про атавару, который, возможно, где-то там тебя и ждет…»

«Возможно», – вынуждено согласился мужчина.

«… а она тебя не любит!» – воспользовавшись секундной победой, нахально взвыл голос.

«Заткнись!» – яростно треснул кулаком по колену Доре.

«Сам заткнись!»

«Я – ненормальный, – машинально растирая место удара, Жан криво усмехнулся и невольно покосился за экран, словно ожидая увидеть в нем своего противника, но увидел только собственный профиль, искаженный кривизной дисплея, – ещё немного и я вдребезги разругаюсь сам с собой»…

Итак, кроме Парижа 1945 года можно было вернуться в другой Париж, в 1830 год, продолжить расследование, найти… Пальцы непроизвольно сжались, скрючились так, словно уже добрались до горла.

«Нет, не верю, – заметив свой жест, Жан нервно хмыкнул и расслабил кисть, – похищение ради выкупа? Бред. Тебя увезли сюда. Надо быть полным идиотом, чтобы думать иначе»!

А он и не думал. Никогда не думал. Даже, когда был твердо уверен в обратном, всё равно в глубине души знал, что это не так.

«Зря я впутал в это дело детектива… – мимоходом скривился, – ладно, что сделано, – и тут же отмахнулся Доре, – то сделано… потом разберемся»…

– Ты жива и находишься где-то здесь, – осторожно опуская глаза на разноцветные пятна пульта управления, громко произнес он, – Вот только где?… Что б тебя!.. – услышав свой хриплый от волнения голос, нервно вздрогнул Доре, – настоящая шизофрения…

«Возможно, – опять переходя на более привычный внутренний монолог, оценивающе оглядел пульт мужчина, – стоит задать вопрос. Но я даже не знаю твоего настоящего имени! – уже собравшись встать, сообразил он, – всё равно, надо попробовать. Возможно, удастся как-то отыскать тебя по приметам».

Легко сказать, по приметам! По каким? Рост чуть выше среднего. Вес… кто её знает, наверное, килограмм пятьдесят пять – шестьдесят. Волосы темные, а точнее темно-каштановые с красноватым отливом. Глаза. Да, глаза уникальны! Таких огромных, слегка приподнятых к вискам глаз он больше ни у кого не видел. Аналогично, как и таких зрачков, голубых с кошачьей прозеленью.

«Да, по глазам можно попробовать, – мысленно уже приноравливаясь к операторскому креслу, нерешительно подумал Доре, – глаза, это, конечно, хорошо. Но вдруг у вас там у всех такие? Целая цивилизация таких глазастых. Что тогда? У парня, который мне врезал, тоже глаза были будь здоров!» – переключаясь на мужчину, которого он так долго и так безуспешно преследовал, подумал Доре.

«Возможно, этот человек тебя знал, – он попытался вос-

становить в памяти его внешность, но вспомнилась только атлетически скроенная фигура, широкие плечи, тяжелый подбородок и глаза, – ловкий, черт»! – от взгляда который ему даже сейчас стало не по себе.

«Дурак! – мысленно фыркнул на себя Доре, – естественно, что он тебя знал. Поэтому и пришел. Только зачем он приходил? Как друг или как враг? Хотя, для друга повел себя… – перед мысленным взором опять мелькнули круглые совиные зрачки, – запросто мог убить!»

«Но не убил же! – пискнул неугомонный внутренний голос, – возможно, действовал так из самозащиты…»

«Возможно, – опять вынужден был согласиться Доре, – заметил, что за ним кто-то следит, сначала попытался оторваться. Не смог. Хотел вернуться в капсулу, а я не давал. В принципе, – вынужден был признать он, – ничего плохого он мне не сделал. Только отключил на время».

«А если враг?»

«В любом случае, он искал её, следовательно, не имеет никакого отношения к исчезновению…»

«Значит, она, действительно погибла…»

«Ничего это не значит»! – с неожиданной злостью одернул сам себя Доре.

– Тебя забрал тот, другой, – как к стоящей рядом, обращаясь к исчезнувшей неизвестно где, Этьене, страстно произнес он, – тот, к кому ты бегала, пока я ошивался за кулисами! Дурак! – вскакивая, рявкнул на себя Доре, – надо было

сразу догадаться… Плевать тебе было на Отрея! – обращаясь к пустому креслу, яростно продолжал он, – так же, как и на всех остальных, в том числе и меня. Ты здесь! – ярость смешалась с надеждой и странным образом преобразовалась в уверенность, – ты где-то здесь, только я понятия не имею, где!

Ярость прошла. Можно было подумать, что высказанная вслух, она, как в губку, впиталась в стены.

«Если бы я сразу понял, что этот человек отсюда! – обессиленно опустился на кушетку Доре, – но никакого сигнала не было… потому что тогда, – в очередной раз вспомнил мужчина, – я не взял с собой часы… часы! – опять подскочил он, – надо было сразу догадаться! – вытаскивая из нагрудного кармана часы, чуть не взвыл от собственной глупости Доре, – невралгия… кретин»!

Конечно, надо было. Тем более, что он прекрасно знал, что именно так должен был отреагировать на появление человека с соответствующими характеристиками вмонтированный в его корпус индикатор.

Знал, но.

Приученный к слабому дрожанию корпуса (а именно так индикатор реагировал на Этьену), Жан даже представить себе не мог, что сигнал может оказаться настолько сильным!

«Что же, теперь буду знать,» – поддевая ногтем вензель, успокоил себя Доре.

Он нажал сильнее и открыл потайной циферблат, вмон-

тированный во внутреннюю часть крышки, где мерцала крохотная зеленоватая капелька.

«Естественно, теперь никакого сигнала нет».

Жан разочарованно захлопнул крышку и хотел положить часы обратно.

«Нет, лучше в брючный карман или вообще… – так и не придумав более безопасного места, сунул в наружный карман куртки, – но кто это был? – задумался он, – атавара или его хозяин? Наверное, хозяин. Потому что, найдя её, атавара уничтожил бы и меня»…

«Слишком просто, – опять напомнил о себе, замолкший было в глубине его голос, – может быть, он хотел с тобой поиграть? За неё ему заплачено, а ты… так сказать, для души…»

«Заставить подождать, затем бегать за ним по всему городу, и только потом. – сквозь красный туман опять мелькнули совиные глаза, – а ведь, мог! – вынужден был признать мужчина, – очень даже мог, – даже сейчас воспоминание об этом взгляде вызывало в его душе странную оторопь, – но он меня всё равно не убил!.. ладно, – чувствуя, что запутывается, принял соломоново решение Доре, – возвращаюсь в девятнадцатый, а там видно будет…»

«А полиция?»

«Плевать мне на полицию!.. – отмахнулся от своего гипотетического противника мужчина, – а там, может быть, Рике уже что-нибудь выяснил».

Он встал, прошелся по капсуле и, не давая себе опомниться, быстро сел в кресло и опустил левую руку на выпуклость подлокотника.

3

«Сигнал принят, – вдруг произнес в его мозгу чей-то голос, – идет поиск…»

Дисплей вспыхнул, замерцал, потом покрылся радужными волнами.

«Идентификация произведена.»

Экран затуманился.

Затем из тумана сформировался четкий трехмерный поясной портрет.

«Та-ак…» – растерявшись он неожиданности, Доре молча уставился на юношу в широком, отделанном мехом берете с обмотанным вокруг шеи на манер шарфа бархатным верхом, одетого в коричневый, с какими-то блестящими бляхами, кожаный жилет и кирпичного цвета рубашку с утянутыми от локтя до кисти рукавами.

Из-под берета холодновато блеснули огромные голубые глаза.

«Так!» – Жан так резко наклонился вперед, что чуть не уткнулся носом в экран.

Изображение повернулось в профиль, потом спиной и опять в профиль.

«Ну, ни фига себе!»… – со смешанным чувством изумления и облегчения откинулся на спинку кресла Доре, все в том же изумлении наблюдая, как замелькавшие по нижней границе изображения цифры выстроились в две колонки: 003.02.05.1488 Р.Х. – слева и XXX. 1750012. VIIXXIVV. IXXIVI/ 001970 – справа.

«По крайней мере, ты, похоже, цела…»

Всё ещё не совсем понимая, что происходит, он машинально потер левой рукой висок.

Изображение мигнуло и исчезло.

В первую минуту он так растерялся, что, рванувшись, уперся ладонью в дисплей.

«Дурак!» – ощутив холодную, гладкую и твердую как стекло поверхность, он испуганно отдернул руку и вытер о себя пальцы.

Следующие несколько секунд он ждал.

Ждал неизвестно сего.

То ли того, что от его соприкосновения с дисплеем вдребезги разлетится стекло, то ли начнет неметь рука, то ли девушка выйдет из экрана и встанет рядом с ним. Сейчас он бы и этому не удивился.

Она не вышла.

Рука тоже не разломилась и не осыпалась на пол.

Бог знает почему, но Жану так четко представилось, как его пальцы твердеют и покрываются трещинами, что он почти удивился, глядя, как они, как ни в чем не бывало, про-

должают цепляться за край его куртки.

С дисплеем тоже, вроде бы, видимых изменений не произошло.

«Пронесло… – чуть ли не силой заставляя себя успокоиться, но, всё ещё продолжая волноваться, импульсивно подумал Доре, – наверное, это стекло и ломом не пробьешь. Капитально сделали, ничего не скажешь!»

Изображение на экране… Оно было таким реальным. Казалось, продержись оно ещё мгновение, и женщина заговорит, засмеется. Хотя нет! С таким блеском в глазах не смеются.

«Возможно, это старая фотография… – в первую минуту предположил Доре, – но почему она появилась? Я положил руку на подлокотник, то есть подключился к центру, – мысленно повторил свой жест мужчина, – да. И больше ничего. Я не задавал никаких вопросов. Я просто не успел их задать, – он вопрошающе обвел глазами ряды кнопок, – сигнал… центр сказал, что сигнал принят… Какой сигнал? Разве только…»

Он вытянул из кармана часы, взвесил их на руке и решительно отложил на кушетку. После чего опять опустил левую руку на подлокотник.

Ничего.

Тогда забрал с кушетки часы и зажал в правой ладони.

«Сигнал принят.»

«Ясно, – изучая появившуюся картину, мысленно поздра-

вил себя Доре, – хотя бы это ты понял! Цифры, по-видимому, относятся к месту перехода во время. Вот только последнему или.

«Последнему», – тут же сообщил голос.

«Отлично, спасибо. Итак, подлечившись, ты махнула в… – он внимательно вчитался в дату перехода, – третье февраля тысяча четыреста. Нет, не сходится! – споткнувшись на лишних цифрах, он озадаченно потер переносицу, – возможно, не в третье февраля, а во второе мая. Да, возможно! Если допустить, что первые три числа обозначают… ну, не знаю, что, но остальное складывается во второе мая тысяча четыреста восемьдесят восьмого года…Хотел бы я знать, какого черта тебя туда занесло?»

«Информация отсутствует», – бесстрастно доложил голос.

– Чтоб тебя! – нервно отдернул руку Доре, – сам знаю, что отсутствует.

Теперь, действительно, появился выбор.

Хотя, незачем обманывать себя, – глядя в глаза своему, наложенному на её лицо, отражению, натянуто усмехнулся Доре, – никакого выбора у меня нет.

Глава 3

1

Город навалился шумом, грохотом и вонью. Зажатые в узких улочках Ситэ, человеческие голоса визгливо метались между облупленными стенами, смешивались с грохотом телег, конским ржанием, скрипом барж, криками чаек, хрустом, визгом и лязгом. А многослойная палитра городской вони, состоящая из запахов сточных канав, прогорклой пищи, речной гнили, дубленой кожи, краски и других не менее специфичных ароматов с непривычки припечатывала к земле не хуже полновесной пощечины.

Пытаясь привыкнуть к обстановке, Этьена прижалась спиной к стене сарая.

Прямо перед ней разгружали баржу с камнями, грохот которых на время перекрыл всё.

Дальше высились горы желтоватого песка, по которым мерно взбирались согнутые, как тощие вопросительные знаки, фигурки. Наверху фигурки разгибались, вытряхивали из плетеных заплечных корзин песок и спускались вниз.

Ещё дальше из огромной пузатой баржи на телеги вилами перекидывали желтовато-оливковые охапки свежескошенного сена, крепкий запах которого даже на расстоянии

пьяно ударял в голову.

Немного освоившись, девушка рискнула выбраться из своего укрытия и направилась в сторону моста.

– Поберегись! – прямо перед её лицом прогрохотала груженная бочками телега.

– Прочь с дороги!

Сжавшая её со всех сторон толпа привычно шарахнулась от пронесшегося галопом всадника.

Шум… крик… толкотня…

– Куда смотришь?! – чуть не сбив её с ног мешком, рявкнул на неё тащивший этот мешок мужчина.

– Эй, красавец! – уцепилась за полу её жилета женщина с кучей бренчащих монет на шее, – давай погадаю!..

«Кошмар»! – сцепив зубы, молча вырвалась из её рук Этьена.

Лавируя между людьми, лошадьми и телегами, она добралась до моста.

Точнее до тесного пространства между двумя рядами выстроенных на мосту домов, на входе в которое высились два толстых известняковых столба, между которыми ночью натягивали цепь.

Сейчас между столбами застрял воз сена, хозяин которого отчаянно ругался со сборщиком платы за проезд. Воспользовавшись заминкой, Этьена примостилась за тумбой и попыталась перевести дух.

– Но! Наддай! – чуть не сбив её воплем в воду, внезапно

заорал на свою кобылу мужчина, – пошла!.. Пошла, чтоб тебя!..

Несколько шагов он тянул лошадь за собой, потом забрался обратно на воз и залихвацки щелкнул кнутом.

«Ну, всё, – идя за тумбой на парапете, постепенно успокоилась Этьена, – всё».

Она проводила взглядом телегу, после чего спрыгнула на камни и решительно направилась следом.

– Эй!

Не глядя, она бросила на голос монету и заторопилась дальше, на ходу обшаривая взглядом вывески.

Ювелиры… ювелиры… парфюмеры… опять ювелир… Вот!

Толкнув низкую, обитую железом дверь, она очутилась в оружейной лавке, перегороженной длинным откидным прилавком.

– Что угодно? – вежливо улыбнувшись, выжидательно посмотрел на неё стоящий по ту сторону прилавка мужчина.

– Всё, – немного растерявшись от темноты лавки, махнула рукой Этьена.

– Извольте, месье, – тут же заулыбался хозяин.

«Так, – глядя, как он незаметно убрал с прилавка оружие с богато инкрустированными гардами и также незаметно выложил несколько простых клинков, мысленно усмехнулась она, – богатым покупателем он меня явно не считает. Пожалуй, так даже лучше», – разглядывая выложенный перед ней

товар, решила она.

Короткий базлад… кривой фальшон с большим эфесом… тяжелый эспадрон… длинный обоюдоострый павад…

Она сразу отодвинула в сторону бесполезный парадный базлад и непривычный фальшон.

Затем прикинула на руке эспадрон.

Переложила эспадрон в левую, а правой подняла с прилавка павад.

– Длинноват, – наблюдая за уверенными действиями покупателя, доброжелательно прокомментировал хозяин.

Да, – Этьена с сожалением отложила павад и постучала ногтем по четырехгранному клинку эспадрона, – настоящий испанский найдется?

– Месье – знаток, – забирая у неё эспадрон, уважительно произнес хозяин, – изволите подождать? – убирая с прилавка лишнее, спросил он.

– Если оно того стоит, – подтвердила Этьена.

– Прошу, – прогремев ключами, мужчина отпер стоящий в противоположном конце помещения сундук и вынул оттуда два завернутых в рыжую кожу предмета, – думаю, это именно то, что вам нужно, – возвращаясь обратно к прилавку, сообщил он.

– Посмотрим, – пока он разворачивал кожу и раскладывал перед ней вложенные в ножны эспадроны, протянула Этьена.

– Конечно. Толедо, – слегка касаясь пальцем полустертого герба на гарде, сообщил он.

– Возможно, – вытащив из ножен клинок, прикинула его на руке Этьена.

– Точно, Толедо. Видите? – не касаясь клинка, указал на герб на гарде мужчина, – настоящая испанская сталь. Таких клинков на весь Париж…

«Да, да, да»… – отключаясь от его болтовни, занялась выбором оружия Этьена.

Она взяла один, затем другой… покачала, проверяя сбалансированность клинка и рукояти… соразмерила длину оружия с длиной руки… уткнула клинок в пол и, проверяя упругость стали, всем телом навалилась сверху, после чего уверенно выбрала эспадрон с круглой, покрытой многочисленными отверстиями, гардой.

– Сколько? И, – не дав ему ответить, тут же добавила Этьена, – если мы договоримся, то я возьму ещё…

– Месье собирается на войну? – понимающе посмотрел на неё мужчина.

«Чума на вашу войну»! – равнодушным кивком подтвердила она.

2

«Глобальное время: цивилизация № 3.

Локальное время: 2 мая 1488 года.

Материк: Евразия.

Регион: Европа.

Государство: Франция.

Военные действия на западе страны. Противоборствующие стороны: королевские войска во главе с регентшей Анной де Боже и Международная коалиция под общим руководством герцога Бретонского, – вспомнилась краткая историческая сводка, составленная центром на основе тех куцых данных, которые в него заложил кто-то из её предшественников, – 28 июля 1488 года будет битва при Сент-Обен-дю-Карнье»…

«Надо постараться в неё не влипнуть», – отметила для себя Этьена.

«Пленение претендента на трон герцога Орлеанского.19 августа 1488 года подписание мирного договора».

«Надеюсь, к этому времени меня уже здесь не будет».

«Затем разрыв договора и осада города Нант».

«Не хватало только вляпаться в войну», – кимаря в уголке переполненной военными общей залы гостиницы, раздраженно подумала Этьена.

С большим удовольствием она устроилась бы в отдельной комнате, или хотя бы в одной из верхних общих комнат, но к моменту её прихода вся гостиница была уже битком набита постояльцами.

– Ничего нет, месье, – не давая ей открыть рот, широко раскинул руки трактирщик, преграждая ей путь к ведущей на второй этаж лестнице, – у меня спят даже на мешках муки в чулане. Могу только предложить место в общей зале…

– И ужин, – поворачиваясь к хозяину спиной, приказала Этьена.

Те, кто, как она, пришли достаточно рано, ещё успели занять отдельные столы, более поздним посетителям достались места на длинных скамьях. Перед остальными просто захлопнули двери.

Завладев приземистым неуклюжим стулом, Этьена оперлась спиной на стену, вытянула под столом ноги и сдвинула в сторону ножны, выставив на всеобщее обозрение тяжелую гарду боевого эспадрона.

Как таковое, время ужина уже прошло. Теперь флегматичные служанки неторопливо убирали со столов грязную посуду.

– Эй, хозяин!..

Трактирщик подхватил с прилавка кувшин, нацедил из стоящей у стены бочки вино, не глядя, поставил кувшин на стойку и подцепил следующий.

– Шевелись быстрее, мы подыхаем от засухи!

Не отрываясь от разлива, мужчина повел бровью в сторону нетерпеливо галдящей компании, тесно сидящей за длинным узким столом в левом, более темном углу залы. Женщины подхватили кувшины и, двигаясь всё также неторопливо, расставили их на почерневшей от времени столешнице.

– Живее, подлая крыса!.. – пронзительно заорал худой, сам разительно похожий на крысу, мужчина за соседним, таким же длинным столом, – живей, пока кнут не станцевал по

твоей жирной заднице.

Повинуясь всё той же молчаливой команде, служанки обслужили и этот стол.

Кто-то подложил в камин ещё одно полено и в зале стало светлее.

Этьена надвинула на глаза берет, бросила крупинку нейтрализатора в кувшин с вином и задумалась, краем глаза наблюдая за разошедшейся компанией. В основном, в зале гуляли солдаты всех мастей, среди которых затесалась группа по-военному экипированных лакеев, и, естественно, женщины.

– Какой хорошенький! – полупьяная дебелая деваха оперлась обеими руками на стол, обдав Этьену тяжелым духом потного тела, – хочешь, красавчик, я… – женщина единым махом выпростала из платья груди.

Этьена щелчком вымела себя из её сознания. Женщина удивленно сморгнула, передернула оголенными плечами, развернулась спиной к столу, покачнулась и неуклюже села, точнее, упала на колени сидящего за соседним столом мужчины.

«Шлюха, – брезгливо поморщилась Этьена, – оправдание всегда можно найти.

Низкий уровень сознания, деспотичный общественный строй, война… но шлюха, она и есть шлюха… Угораздило же меня, – она прищурилась и цепким взглядом обвела помещение, – без драки здесь точно не обойдется. Эти, за дву-

мя столами, уже откровенно провоцируют друг друга. Только бы не перешло во всеобщую свалку, – мысленно прикидывая возможные пути отхода, она ещё раз осмотрела залу, – до кухни далеко… до лестницы тоже… если что, проще всего влезть на стол, а с него сразу на второй этаж. Надо было садиться ближе к лестнице… – запоздало поняла она, – наука на будущее…»

Время шло.

Женщины в очередной раз поменяли на столах опорожненные кувшины на полные…

…разнесли на деревянных досках сыр, от которого шел резкий, неприятный для Этьены, запах…

…за входной дверью что-то прокричала ночная стража…

…затрещало рухнувшее в огне полено…

«Кажется, пронесло», – уже засыпая, успокоенно подумала Этьена.

И тут о поверхность занятого лакеями стола разбился кувшин, окатив всех фонтаном черепков и брызг.

«Не пронесло»! – моментально проснувшись, оглянулась она.

Сидящий лицом к ней мужчина взвизгнул и схватился ладонью за щеку.

Сквозь его пальцы медленно проступила кровь.

Раненый лакей по-звериному ощерился, выхватил из-за пазухи нож и, не вытирая бегущую к подбородку струйку, метнулся к соседнему столу, откуда ему навстречу так же

стремительно выскочил военный.

Зал замер. Абсолютную тишину нарушал только дробный звук падающих со стола капель.

Военный напал первым.

Лакей подпустил его к себе почти вплотную, но, когда военный ударил, то проворно отпрянул, присел и стремительно выметнулся ему навстречу.

Сидящие за столами также молча повскакивали с мест и плотным кольцом обступили место драки…

Кто-то взобрался на стойку, опрокинул ногой бутыль с вином…

Пользуясь суматохой одна из женщин придвинула к себе полную тарелку и стала торопливо есть, поспешно хватая пальцами куски мяса… По её обнаженным рукам потек темно-красный густой соус.

«И это – люди! – пытаясь подавить подступившую к горлу тошноту, Этьена опустила голову и уткнула взгляд в брошенные на стол перчатки, – сводка… я даже подумать не могла. – стараясь не смотреть дальше пустого пространства между ей и дерущимися, сглотнула она, – отсюда до утра даже выбраться невозможно. И это называется «безопасно»?»

Конечно, в такую теплую ночь можно было бы спокойно переночевать на улице. Но в составленной для неё сводке четко говорилось: «Очень высокий уровень преступности, полное отсутствие сдерживающих факторов. Опасно находиться в ночное время на улицах населенных пунктов – ве-

роятность подвергнуться грабежу и насильственной смерти от 50 до 89 процентов. Вероятность грабежа на проезжих дорогах в мирное время – 60–90 процентов, в военное – 80–96».

«Тихий патриархальный период! Деревенская пастораль!!» – чувствуя, что от усталости и нервного напряжения непроизвольно затряслись губы, попыталась иронизировать Этьена.

Драка завершилась.

Толпа раздалась, пропуская группу людей, несущих полураздетое тело, которое, при всеобщем молчании, протиснули в приоткрытую входную дверь.

Дверь захлопнулась. Шум возобновился.

«Звери!» – чувствуя себя, как спящий человек, который видит кошмарный сон, знает, что это – сон, но не может проснуться, она продолжала наблюдать, как лакей вытер о полу снятого с убитого камзола узкий воровской клинок, сунул его куда-то за пазуху, осмотрел ткань и швырнул камзол на прилавок.

– Хозяин, ещё вина!.. Где его вещи?

Чья-то рука метнула в него узел.

«Надо было до закрытия ворот убраться из города, – не в силах больше смотреть, она опять уткнулась взглядом в стол, – а у нас ещё пытаются романтизировать это время…»

По-видимому, драка стала апогеем, высшей точкой, после которой шум быстро пошел на убыль.

Служанки как-то незаметно исчезли.

Вслед за ними исчез и хозяин.

Из незавернутого крана бочки медленно вытекали последние капли жидкости.

Сальные свечи прогорели, масляные светильники тоже, отчего углы залы погрузились в темноту, а середина, освещенная дрожащим красноватым отсветом умирающего камина, казалась местом, на котором только что совершилось жестокое преступление: стулья раскиданы, пол и столы залиты черно-бордовыми лужами… и повсюду поверженные, растерзанные люди.

«Спать, – устало уронила голову на руки Этьена, – полтора часа у меня ещё есть».

3

Следующий день прошел без происшествий.

– Лучше вам ехать не по главной дороге… Безопасней добраться до Ружье, – хозяин деревенской гостиницы, где она остановилась на ночь, ткнул пальцем в стену, – оттуда вдоль реки до Буало около пяти лье. Конечно, это удлиняет путь, но на той дороге не должно быть солдат.

«Лучше сделать крюк, – всё ещё находясь под впечатлением первой ночи, подумала Этьена, – чем опять влипнуть».

– Благодарю. Я так и сделаю.

– Да, месье, – спокойно согласился хозяин, – с солдатами

на дороге вам лучше не встречаться… среди них много пеших, а у вас хорошая лошадь. На рассвете в Буало собирается наш кузнец.

– Отлично, – обрадовалась Этьена, – я с удовольствием составлю ему компанию.

На рассвете, плотно позавтракав и набив седельную сумку продуктами, она присоединилась к молчаливому диковатого вида всаднику, ожидавшему её у конюшни.

«Ну и лошадь! – при виде костлявой длинноухой кобылы с огромными мосластыми коленями она невольно удивленно приоткрыла рот, – она же упадет на первом километре».

Вдоль лощины медленно тек густой и плотный, как серая вода, туман. Первая лошадь погрузилась в него по брюхо, недовольно всхрапнула, вскинула голову, задрожала, но, подчиняясь хозяину, продолжила спуск, пока не погрузилась в туман вся целиком. Вторая испуганно прижала к голове уши, но покорно пошла вслед за первой.

Изнутри туман уже не казался таким плотным. Он свивался клубами под ногами коней, на мгновение, приоткрывая то поникший призрачный куст, то пятачок влажной, блестящей травы.

Где-то засвистела птица, ей ответила вторая.

Огромные как у осла уши лошади чутко напряглись.

К полудню туман рассеялся.

Кузнец жестом остановил движение, спрыгнул вниз, примотал повод коня к коряге и взобрался на бровку оврага.

Этьена в точности повторила его действия и минутой позже также внимательно оглядела около пяти километров сочной луговой травы, ограниченной редколесьем.

Вдоволь налюбовавшись, мужчина так же молча спустился и отвязал лошадь.

«Немой он, что ли? – измотанная постоянным страхом, раздраженно подумала Этьена, – или боится? Хоть бы сказал что-нибудь».

Кузнец вывел из оврага свою лошадь, взгромоздился в седло и погнал её так, что перед глазами Этьены мелькнули только костлявый лошадиный круп и огромные чашеобразные копыта.

«Ничего, себе, доходяга»! – стирая с лица брызнувшую из-под лошадиных копыт грязь, оценила она.

К вечеру без происшествий добрались до Буало.

– Благодарю, месье, – получив монету, кузнец сдержано поклонился, – счастливой дороги.

«Не немой-таки!» – оглушенная низким басом, изумленно уставилась на него Этьена.

Не ожидая ответа, кузнец развернулся и зашагал прочь, ведя за собой на поводу свою несуразную клячу.

– Эй! – опомнилась Этьена, – эй! Послушай…

Оба, и человек и лошадь, остановились и повернули к ней головы.

– Послушай, – Этьена догнала их, подошла почти вплотную и попыталась заглянуть мужчине в глаза, – не мог бы ты

проводить меня до Лоша? Я заплачу…

– Нет, месье, – отрицательно покачал головой мужчина, – там слишком опасно.

Я хорошо заплачу…

– Нет, месье… – он опять качнул головой и внимательно посмотрел ей в глаза, – вам бы тоже лучше вернуться…

Этьена развернулась и поплелась в гостиницу.

– Я еду в Аржантан, – налив хозяину стакан вина, сразу же приступила к делу Этьена, – не сможет ли кто-нибудь проводить меня?

– Нет, месье, – хозяин пригубил стакан, – наши все сидят дома.

– Но… я неплохо оплатил бы услугу.

– Хорошо бы, месье, но… обратно-то возвращаться в одиночку. А зачем зарабатывать деньги, если их на обратной дороге почти наверняка отнимут.

«Железная логика, – понимая, что уговаривать, действительно, бесполезно, опустила голову Этьена, – значит, дальше придется путешествовать в одиночку».

Третий и четвертый день путешествия прошли на удивление спокойно.

Погода держалась теплая, солнечная. Не совсем типичная для этого времени года, но лучше такая, чем влажная удушливая жара, знакомая ей по другим, прожитым ей в Париже, веснам.

Луга сменились заболоченной каменистой низиной, про-

петляв по которой, дорога стала незаметно подниматься на возвышенность, покрытую густым вековым лесом.

Сразу потемнело и похолодало. Здесь влажная, покрытая мощным слоем прелой листвы, земля только начала просыхать, отчего влажно курилась на солнце и жирно блестела в тени под деревьями. Запах прели, гниющих листьев, молодой травы и недавно распустившейся, ещё мягкой и нежной, листвы, настоенный на висящем между ветвями тумане, медленно дурманил усталую голову.

Потянуло в сон.

«Не спать! – мысленно встряхнула себя Этьена, – до деревни не более трех километров. Там и поем, и отдохну. Надо только прощупать дорогу».

Она остановилась, вольно опустила поводья и попыталась сосредоточиться.

Сначала в мозгу возник только неясный гул (низкочастотный эмоциональный фон растений и животных, который обычно практически не поддается расчленению), сквозь который стали постепенно проступать отдельные сгустки высокочастотных эманаций.

Где-то впереди находилось скопление людей. Даже на расстоянии Этьена чувствовала исходящие от них волны раздражения, недовольства, усталости.

Девушка спрыгнула на землю, взяла под уздцы лошадь, сошла с дороги в чахлый подлесок и осторожно двинулась вперед. Чужие эмоции становились всё слышнее, создавая

впечатление катящегося навстречу поезда, битком набитого раздраженными, орущими пассажирами. Этьена крепче ухватилась за повод и торопливо потянула кобылу прочь от дороги.

Сзади что-то громко хрустнуло. Девушка стремительно обернулась, и тут ей на голову набросили толстый шерстяной плащ. Этьена рванулась в сторону, но невидимый противник дернул за полы, и, умело подсекая жертву, подтащил её к себе.

Опрокинутая на скользкую траву, она вывернулась и наугад ударила обеими ногами. Кто-то охнул, упал, потом громко выругался. Второй, продолжая удерживать полы плаща, наудачу взмахнул кулаком.

Этьена охнула и затихла.

Глава 4

1

Заломив на затылок серую шляпу с малиновым плюмажем, и широко расставив длинные ноги в высоких сапогах и жемчужно-серых рейтузах, Доре по-хозяйски обвел взглядом стоящих у коновязи лошадей. Глаза задержались на высоком стройном жеребце.

«За такого я бы на съемках душу бы продал», – только представив себя верхом на этом красавце, восхищенно крякнул мужчина.

– Изволите выбирать? – из-под лошадиного брюха вынырнул краснолицый лоснящийся торговец, – лучшие лошади на всей ярмарке. Извольте обратить внимание, – его взгляд скользнул по торчащему из-под серо-голубого с малиновой изнанкой плаща внушительному паваду, перескочил на скульптурно вылепленное, невозмутимое лицо, воровато заглянул в темно– синие, непроницаемые глаза, оценил всё это и почтительно вильнул в сторону, – шевалье, на этого красавца, – мясистая ладонь легла на холку рослого гнедого жеребца, – прекрасное животное. Обучен нести доспех, силен…

На покупателя обрушился хорошо отработанный поток

восхвалений жеребца, его самого, его и жеребца, а также их будущих совместных боевых подвигов, вкупе с последующим за ними водопадом наград и почестей.

Жан пригнул лошадиную голову и заглянул жеребцу в рот.

– Ха, да он старше моей бабушки!

– Месье, по-видимому, отправляется на войну?

– Возможно, – как можно небрежней ответил Доре.

«Хотел бы я знать, зачем тебя понесло в самое пекло», – полученная сводка не оставляла сомнений, что указанное маяком направление в конечном итоге упиралось в занятый англичанами Сен-Мало.

Не давая покупателю отвлечься, торговец тут же переключился на стоящую рядом гнедую кобылу.

– Посмотрите, шевалье на эту красавицу. Без сомнения, это то, что вам нужно…

– С такими-то коленями?…

Доре решительно подлез под коновязь и остановился перед приглянувшимся ему мышастым красавцем.

Сколько?… Заломишь слишком много, – сразу предупредил он, – уши обрежу… или язык. Он у тебя слишком длинный.

Ближе ко второй половине дня, прикупив всё необходимое для путешествия, и не дожидаясь закрытия ворот, он покинул Париж.

На ночлег остановился в Версале (пока ещё крохотной невзрачной деревушке), безошибочно выбрав из кучки низ-

ких кособоких домишек единственное более или менее приличное здание, при ближайшем рассмотрении действительно оказавшееся постоялым двором.

– Эй, хозяин! – перегнувшись через холку лошади, он нетерпеливо стукнул рукояткой хлыста в закрытый ставень, – есть кто живой?

Бесконечно длинный весенний вечер заканчивался.

Небо посерело, обступивший деревню лес почернел. В поле тоскливо вскрикивала какая-то птица, ей также заунывно вторила другая.

«Веселенькое местечко, – невольно передернул плечами мужчина, – занесло же сюда нашего монарха…! – машинально хлопнув перчаткой по щеке, непочтительно присовокупил он, – одни только комары чего стоят»!

За спиной чуть слышно заскрипела дверная петля.

Жан порывисто обернулся, пробежал глазами вдоль пустынной улицы: «Вымерли они все, что ли?»

Темные безглазые силуэты домов, плотно закрытые ворота… ни собачьего лая… ни мычания… ничего… никого… мираж, медленно растворяющийся в темноте… пустота… морок.

«А если я провалился куда-нибудь, – по спине к затылку поползла ледяная тряская дрожь, – в безвременье? Если здесь, действительно, никого нет? И никогда не было?»

– Эй! – уже не владея собой, со всей силы саданул он кулаком в дверь, – есть тут кто?!!

Где-то в глубине дома послышалось тихое шевеление, затем на верхнем этаже противно заскрипел ставень:

– Чего надо?

«Слава богу!.. – облегченно выдохнул Доре, – ну, и дурак же я»!

– Ужин и ночлег! – даже не пытаясь скрыть охватившую его радость, весело проорал он.

– Кто вы?

– Дворянин!

– Вы один? – продолжал допытываться ставень.

– Да!

Окно захлопнулось.

Эй! – состояние эйфории сменилось полной растерянностью, – послушайте… вы же… я заплачу…

«Черт бы его побрал! – Жан в бешенстве пнул сапогом дверь, – не на улице же мне ночевать»!

Дверь неожиданно приоткрылась.

– Прошу вас, месье, – хозяин внимательно осмотрел улицу, после чего открыл дверь шире и вытолкнул на крыльцо щуплого подростка, – Жако расседлает вашу лошадь.

– Держи, – торопясь попасть внутрь, Жан спрыгнул на землю и перебросил мальчику поводья, – тушеные свиные ножки?! – ещё не веря себе, он втянул носом выплывающий в открытую дверь запах, – что-то ещё осталось?

– Да, месье.

– Отлично! – не стесняясь, возликовал он, – несите всё!

Позже, разомлев от тепла, сытной еды и усталости, он поднялся в свою комнату, развинтил увесистый нательный крест, открывая маленький, похожий на компас циферблат, стрелка которого по-прежнему указывала на запад. Ниже на серебристом фоне четко пропечатались цифры, отмечающее расстояние между маяками.

«Через два-три дня я тебя догоню, – пообещал отсутствующей здесь Этьене Доре, – должен нагнать».

2

В живот больно уперся высокий край седла. Из-за обмотанного вокруг головы и туловища плаща трудно было дышать. Очнувшись, Этьена попыталась приподняться, но получила шлепок по спине и затихла, прислушиваясь к неровному стуку копыт.

«Везут как куль поперек лошади. Куда?… зачем? Бандиты это или… или кто? – от постоянной качки и невозможности нормально вздохнуть её замутило, – здесь все ведут себя как бандиты. Почему взяли с собой? Могли просто ограбить и бросить. Почему я их не услышала?..»

Лошадь оступилась, отчего Этьену больно прижало ребрами к луке седла. От неожиданности девушка охнула, за что тут же получила сильный удар по плечу.

«… Я их просто не заметила. – от боли и обиды на глаза навернулись слезы, – я искала большое скопление народа и

не заметила этих… глупо… с первого дня здесь я всё делаю неправильно… может, ещё удастся что-то изменить»?

Она расслабилась и попыталась мысленно прощупать пространство. Бесполезно. Всё равно, что наугад сунуть руки в мешок с ужами. Чужие мысли и эмоции неуловимо проскальзывают между пальцами, на краткий миг приникают к ладони, и тут же растворяются, стоит только попытаться сжать руку.

«Кажется, человек десять, не меньше. Они устали, очень раздражены, – в отрицательных эмоциях такой силы всегда неуловимо присутствует привкус каильского дрока (горьковато-пряной травы с далекого Линдола, помогающей новичкам на первых тренировках входить в состояние мнемонического контакта), – десять – это не так много. Если удастся идентифицировать хотя бы одного…»

Теперь она медленно, целенаправленно сортировала чужие мысли, пытаясь вычленить хоть одно самостоятельное сознание. (В идеальном варианте, сознание того, поперек чьего седла она висела.)

Через какое-то время картина начала проясняться: она почувствовала руками поводья, а коленями – жесткую ткань плаща, в который была замотана. От неожиданности она резко дернулась, одновременно с этим раздраженно толкнула себя коленом в бок и задохнулась от болезненного тычка по ребрам.

«Есть! Это его бессознательные рефлексы, – уловив нуж-

ную волну, она стала лихорадочно перенастраивать себя, подлаживаясь под более высокочастотный канал осознанных действий, – надо нащупать зрительные волны…»

Новый эмоциональный шквал смыл всё. В момент разрыва контакта перед мысленным взглядом промелькнул кусок дороги, видимый поверх головы лошади, доски, ворота. В последовавшей за потерей контакта всепоглощающей внутренней тишине и темноте гулкий стук лошадиных копыт показался оглушительно громким.

– Вы задержались.

– Да, месье. В замке королевский отряд. Мы ничего не смогли сделать.

– Это – кто?

– Он шпионил за нами.

– Хорошо. Ведите к барону.

Её сдернули с лошади, бесцеремонно поставили на ноги и потащили куда-то, судя по звуку, внутрь помещения, где стащили с головы плащ и сильно толкнули вперед.

– Вот, ваша милость, – когда она, споткнувшись, грохнулась об пол, произнес над ней чей-то голос, – шпиона поймали.

– Чьего шпиона?

Чья-то рука сгребла её за воротник и опять поставила на ноги.

– Ну? – встряхивая её, гаркнул ей в ухо тот же голос, – что молчишь?

Она попыталась открыть глаза, но ударивший в них дневной свет показался настолько нестерпимо ярким, что Этьена невольно зажмурилась.

– Ну?

Её опять встряхнули.

– Язык проглотил?

Она поспешно открыла глаза, сощурилась и быстро окинула взглядом помещение.

Вдоль трех стен небольшой полутемной залы тянулись длинные обеденные столы, за которыми развалилось штук двадцать здоровых рослых мужчин, среди которых в развязных позах примостились ярко накрашенные женщины в богатых, но несвежих и сильно помятых платьях.

«Пирушка со шлюхами,» – глаза, привычно фиксируя в памяти обстановку, скользнули по цветному узору витражей в узких, расположенных под самым потолком, окнах, по затянутым драпировками простенках между ними, по сервировке стола, по лицам сидящих…

– ….!

Страж немедленно подтащил её к сидящему в центре обрюзгшему краснолицему блондину, по-хозяйски обнимающему полуголую пышногрудую брюнетку в малиновом платье.

– Я не шпион, – Этьена попыталась выпрямиться, но получила удар между лопаток и опять сгорбилась.

– Он следил за нашим отрядом, милорд.

«Английский, – в желудке неприятно похолодело, – те самые союзники… или наемники…»

– Так. – с заметным английским акцентом протянул блондин, лениво стряхивая женщину с колен.

«Похоже, он здесь старший, – Этьена поймала его взгляд и попыталась сосредоточиться на контакте, – сколько же он выпил?! – мысленно ахнула она, попыталась пробиться сквозь вызванную огромной дозой алкоголя в крови блокировку эмоциональных центров.

– Разрешите мне, – его сосед справа, черноволосый подтянутый мужчина в бархатной, расшитой золотом рубахе, широко улыбнулся, – мальчишка, похоже, мнит себя героем. В моем подвале он быстро передумает.

Полностью отключившись от действительности, она мысленно поймала упругий скользкий шар, внутри которого смутно копошились мысли блондина, вырастила острое тонкое жало и стала медленно и осторожно проталкивать острие внутрь.

– Разрешите? – между тем повторил брюнет.

– Вы у себя дома, Бриан, – проворчал блондин, – можете поступать, как сочтете нужным. Но я должен знать…

– Разумеется милорд, – пообещал он, – вы всё узнаете… Впрочем…если желаете, можете спросить у него сами. Ручаюсь, что там он вам ответит.

Шар налился красным и запульсировал. Опять запахло горько-сладким дроком.

– Отлично, – блондин отпихнул прижавшуюся к его ноге женщину, тяжело оперся обеими руками на стол, – мне говорили, что в этом вы – мастер.

– Благодарю, – губы брюнета довольно изогнулись.

Блондин выбрался из-за стола, разогнулся, слегка покачиваясь, подошел к Этьене и ударил кулаком в лицо.

– Аванс.

Шар лопнул, залив все вокруг черно-красной гудящей мглой.

3

Жан отодвинул в сторону тарелку и удовлетворенно откинулся на спинку стула. Потом потянулся, лениво плеснул в глиняный стакан вина из кувшина.

От позволенного себе часового отдыха оставалось ещё около пятнадцати минут. Первые пятнадцать минут пришлось потерять на ожидание обеда, тридцать – на еду, но теперь!.

«Жаль, нет кофе».

Трудно, почти невозможно представить себе традиционный послеобеденный отдых, святая святых каждого уважающего себя француза, без крохотной чашечки очень горького и очень крепкого кофе. Без молока и сахара! Даже в худшие времена, когда вместо настоящего кофе в кофейники наливали отвратительно горький желудевый отвар, его пили их

тех же изящных чашечек теми же маленькими смакующими глоточками.

Здесь его с успехом заменяли либо вином, либо сидром.

«Очень даже неплохим вином, – сделав глоток, Жан по-кошачьи прищурился, – очень даже…».

Шел седьмой день пути.

Первый день закончился на постоялом дворе в Версале.

Второй и третий слились в одну изнурительную гонку. К концу второго дня так разболелось всё тело, что ночной отдых как-то выпал из памяти. Если бы ещё пришлось самому расседлывать лошадь, то, пожалуй, до кровати он бы так и не добрался, а упал на конюшне в копну сена. (Жаль, что не упал. По крайней мере, выспался бы на мягком сене, а не на той колючей трухе, которой был набит гостиничный матрац.)

К концу третьего дня боль притупилась. Не то, чтобы отступила, нет, по– прежнему, болело всё, но теперь мышечная боль стала как бы частью его самого, такой же привычной, как жара, комары, жесткое седло или неудобная обувь.

«Хорошо, настоящей жары ещё не было… – Жан отхлебнул ещё и качнул стакан, наблюдая за легкими золотисто-желтыми волнами, лизнувшими внутреннюю поверхность стакана, – на самом деле, самое подходящее время для загородных прогулок… или охоты… если бы… так не болела»…

Он умел ездить верхом. Точнее, раньше он считал, что умеет ездить верхом. Но, одно дело, когда приходится, пусть

даже и часами, гарцевать перед камерой, и совсем другое, когда сутками скачешь по, черт его не знает, какой дороге.

Тем не менее, такой длительный дневной отдых пришлось устроить не ради себя, а ради лошади.

«Ничего не попишешь, – он допил и плеснул ещё, – успею, – с первого дня пути расстояние между маяками стало быстро уменьшаться, – возможно, ты уже добралась до цели поездки… или тоже устала и отдыхаешь… в любом случае, завтра я тебя догоню».

Зачем догоняет, что будет делать дальше, и даже, что будет говорить при встрече, он так ещё и не придумал.

«Салют, как дела?» – глупо.

«Хотел убедиться, что с тобой всё в порядке», – ещё глупее.

А на вопросы: «Какого черта тебя сюда занесло?» и «Почему мне ничего не сказала?» (единственное, что его действительно интересовало), она вполне может ответить встречным: «А тебе-то что?»

«Ничего… – представив такой ответ, вынужден был признать он, – абсолютно ничего, если не считать того, что из-за тебя, – как наяву представив её лицо, едко объяснил он, – меня сначала чуть не посадили, затем не прибили… нет, сначала чуть не прибили, потом посадили, потом опять. Черт! – одним глотком допил оставшееся Доре, – могла бы и предупредить, что выходишь из игры».

То ли от вина, то ли от обиды сильно защипало небо.

«…кислятина… – скривился Доре, – надо было взять сидр или, – хмуро косясь на высокие глиняные кружки, стоящие перед двумя другими посетителями, подумал он, – что они тут ещё пьют»?

Несмотря на обеденное время, кроме него и этих двоих в общей зале больше никого не было.

Они пришли позже, когда Жан уже приканчивал вторую порцию отлично пропаренного рагу. Тихо перекинулись парой слов с хозяином, взяли по кружке и уселись в дальнем углу между камином и стойкой.

«Интересная компания», – незаметно поглядывая в их сторону, в конечном итоге решил Доре.

Старшему было, наверное, лет тридцать.

Младшему, на первый взгляд, не больше семнадцати.

Оба одеты по-городскому в узкие черные рейтузы, коричневые длинноносые туфли, толстые рубашки с капюшонами.

Но больше всего его заинтересовали лица, несмотря на весну, уже покрытые ровным коричневатым загаром, разительно не похожие, но, в то же время, определенно имеющие между собой какое-то сходство.

«Они не родня», – присмотревшись ещё раз, предположил Доре.

У старшего лицо широкое, скуластое со сплюснутым носом и мощными надбровными дугами.

У юноши – продолговатое, с мягким округлым подбородком, высоким лбом и огромными карими (так называемыми

«оленьими») глазами.

«Мужчина, определенно, силен, – чтобы понять это, достаточно было одного взгляда на ширину и разворот плеч, – юноша… – Жан с сомнением оглядел изящную фигуру, – едва ли… – взгляд задержался на по-женски нежных пальцах, обхвативших кружку, – нет, точно, нет… Любопытно, что такая пара может делать в деревне»?

За окнами простучали копыта.

– Эй, хозяин! – останавливаясь напротив двери, громко проорал один из всадников, – эй! – когда хозяин уже бежал в двери, нетерпеливо повторил он.

– Сию минуту! – распахивая дверь, выскочил на улицу мужчина, – сию минуту…

«Отдых окончен, прислушиваясь к шуму и бряцанию, решил Доре, – пора сматываться».

Но поднялся, но, увидя ввалившуюся в комнату вызывающе, даже шокирующе пестро одетую компанию молодых людей, сел обратно.

«Пацаны, – придвигая к себе кувшин, в котором ещё оставалось вино, успокоился он, – самому старшему не больше двадцати пяти лет».

– Вина! Колбасу! Ветчину!.. – только войдя, повелительно заорал самый старший, затянутый в малиновый бархат парень, – и поживей, пока я тебе уши не отрезал!

«Пахан, – привычно определил Доре, – выпендривается перед молокососами».

– Лучшего вина! – точно таким же тоном заорал ещё один голос, – самого лучшего, иначе, клянусь всеми святыми, мы спалим этот дерьмовый сарай вместе с тобой!

«И остальные туда же… – теряя к ним интерес, отвернулся Доре, – шпана»…

Из кухни вышла служанка с подносом.

– Ого! Какая цыпочка!.. – увидев её, возбужденно загалдели…

«Черт их не знает, кто они, – боковым зрением отслеживая компанию, пренебрежительно скривился Доре, – из подростков уже выросли, а до мужчин ещё не доросли. Если будут слишком галдеть»…

Девушка ловко обошла протянутую к ней руку и поставила поднос на стол.

– Неплохой десерт! – пока девушка разгружала свой поднос на стол, продолжали галдеть обступившие её парни.

– Эй, крошка, не торопись!..

– Выпей с нами.

Кто-то протянул руку и попытался обхватить её за талию, но девушка вывернулась, подхватила пустой поднос и скрылась на кухне.

– Опять тебе не повезло, Гортран! – самый старший покровительственно хлопнул по плечу неудачника, – плюнь! Эта девка того не стоит, – он разлил вино по стаканам, – за войну! На войне мы найдем себе других! Нежных, с мягкой кожей. Настоящих дам!

– Недотроги!

– Дубьё! – презрительно скривил рот старший, – нет ничего слаще победы! Запомните, дети мои, – широко ухмыльнулся он, – любая аристократка станет мягче перины, если вести себя с ней, как настоящий мужчина, – парень сжал пальцы и тряхнул кистью, – пусть хиляки и молокососы. – его взгляд зацепился за сидящие у камина фигуры, – Это что ещё за шваль? Убрать! – совсем другим тоном заорал он.

Остальные бросились вперед, как свора собак.

Один сдернул юношу со стула и швырнул в сторону двери, другой схватил его спутника за рукав.

Юноша споткнулся о табурет, по инерции пролетел до середины залы и растянулся на полу.

– Ах, ты…! – мужчина в малиновом в два шага оказался над упавшим и вскинул хлыст.

– Но, но, полегче! – перегнувшись через стол, успел перехватить поднятую для удара руку Доре.

– Как ты посмел!….! – настолько грязно, что не ожидавший такого Жан даже крякнул, выматерил его мерзавец.

«И что теперь с ним делать? – машинально ещё сильнее сжал пальцы Доре, – только драки…»

В сгрудившейся у стойки группе кто-то взмахнул рукой.

Одновременно со взмахом над головами мелькнул табурет.

Короткий вибрирующий звук почти слился с глухим ударом.

Рядом с его лицом в балку вонзился нож.

«Ни чего себе»! – изумленно оглянулся на него Доре.

Он даже не успел отклониться. Хорошо, что тот, кто бросал, промахнулся. Даже ещё не успев подумать, что вслед за первым ножом может полететь и второй, Жан уже шарахнулся от столба и обернулся, ещё при развороте отметив, что в группе у камина кто-то рухнул на пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.